

Тони Дювер

РЕЦИДИВ

перевод Валерия Нугатова

Kolonna Publications
Митин Журнал

ББК 84.4 Фр

Tony Duvert
Récidive

Copyright © 1967 by Les Éditions de Minuit

Редактор: Дмитрий Волчек
Верстка: Дарья Протченкова
Обложка: Екатерина Горзамашвили
Руководство изданием: Дмитрий Боченков

© Kolonna Publications, 2011

© Валерий Нугатов, перевод, 2011

© Brian Gordon Kennelly, послесловие, 2004

ISBN 978-5-98144-140-0

Луна [во всех фазах], весь год, все дни, и все ветра, которые дуют, также проходит. Также вся кровь (расы и кланы) достигают мест своей тишины, поскольку она достигает мощи и трона.¹

---

¹ Книга Чилам-Балам из Чумайеля. Пер. Ю.В. Кнорозова.

Ему было пятнадцать. Он брел по шоссе, которое пересекало большой лес, или по проселочной дороге, ведущей к загородной роще. Скорее уж, по шоссе: деревья по бокам, холодная ясность октября, одна-две машины.

Ему хотелось есть и пить, уже начинало подташнивать, трудно будет раскрыть рот.

Я согласен на что угодно, кого угодно, как угодно. Я принимаю эту пустыню и мочу, которую тут пьют; эти не замечающие меня автомобили; это заходящее серое солнце.

Пару часов назад я ехал на пригородном поезде. Он довез меня до конечной станции. Пришлось долго ждать отправления: бастовали железнодорожники.

Я сошел один, двинулся по шоссе, и вдруг наступил вечер. Все возвращаются к своему очагу, запираются, цепенеют на двенадцать часов. Но сегодня я из тех, кто в такие ночи чувствует себя на улице, как дома.

Вид у него был невеселый. Но в голове проносились забавные мысли: если бы можно было ими поделиться, он бы рассмеялся.

Он шагает очень быстро. В руке несет школьные принадлежности: утром он был в лицее. Пустынные загоны ферм, сараи на горизонте. Двигается лишь туман. Сыро, но слишком холодно, чтобы это заметить.

Было по-летнему тепло. Ночь тоже обещала быть теплой. Он сошел с дороги и направился по просеке, слегка увязая в песке, сыпавшемся в туфли. Он снял их, затем носки и продолжил путь босиком.

Итак, завечерело. В лесу уже было темно. Лошади оставили следы копыт на песке, который на дне этих ямок был прохладнее. Приходилось упираться пяткой в край каждого отпечатка и тотчас растаптывать его, напрягая колена: песок крошился и скатывался под подошву.

Песок застревал между пальцами ног – влажный, слипшийся. При ходьбе он швырял его перед собой. В руке – только туфли. Он бродил по лесу до ночи.

Он нашел место для ночлега. Дело было летом, и, выйдя на опушку, он обнаружил заросли кустарника, дрока или ежевики. По мшистому покрову полз лунный свет.

Неподалеку деревня. На бугре серые силуэты домов с мигающими окнами. Отовсюду лай.

Он улегся на мху. Однако ночь была так прекрасна, что он не мог сомкнуть глаз. Полнолуние заставляло поверить в волшебство. Он встал и босиком устремился в лес.

Едва различимый за деревьями, высился песчаниковый утес – симметричный и выгнутый, огромный, точно великан. Он находился в тени, и к нему вела крутая тропинка.

Теплые гладкие камни были приятны на ощупь. Он решил взобраться наверх. Из-за песка и лишайников скала была очень скользкой.

Выступивший на коже пот напомнил о ночной теплоте, которая теперь показалась прохладой. На середине подъема он остановился на уступе: тот походил на толстую нижнюю губу, и, присев

на корточки, он проник в «рот». Пещера была пару метров в глубину, дальше – тупик, углубление и яма с пологим склоном. Он спустился туда, держась за выступы. Запах рыхлой белой земли, корней, склепа. Тьма не была кромешной: через отверстия, выходявшие на вершину утеса, просачивался слабый лунный свет.

Неожиданно он оказался между кустами у подножия скалы. Эта находка воодушевила его, он снова поднялся к «губам» и спустился тем же путем.

Когда ему это надоело, он повернулся спиной к утесу, вышел из рощи и зашагал вниз по тропинке. Вскоре он уже вернулся на ту самую опушку.

Улегшись и растерев ступни, он вспомнил пещеры, их необычную атмосферу: внутренность легких, форма кишечника. Он отдышался и задумался. Его посетили эротические фантазии: темный или белокурый мальчик.

Если вдуматься, то было не лето, а октябрь. Я не взбирался на утес, а топтался по песку, измельчая его в пыль. А роща находилась на краю полей, неподалеку от ферм. Вся листва опала. Я вижу груды веток, верхушек, хвороста. Красное солнце закатывается, а я иду по узкой асфальтированной дороге к деревьям. Следы на траве. Я добираюсь до рощи и вхожу в нее.

Я прячусь в тумане, и, когда отыскиваю место для ночлега, становится так холодно, а ночь такая непроглядная, что я мигом укладываюсь на опавшие листья и веточки. Заночую в этом логове.

Я сказал: холодно? Он этого ожидал, да и любит холод, но в такую стужу даже не думаешь о том, чтобы согреться, а коченеешь и застываешь, точно ствол.

Он съезжился под плащом. Открыл портфель,

вытряхнул все учебники и засунул голову внутрь, чтобы стало теплее. Он свернулся на боку, над лицом закружился пар изо рта. Он навис над плитой, где сушилась его одежда: лоб обгорал, а тело малопомалу замерзало. Занемевшие ноги каменели. Мороз сковал бедра и поднялся вдоль; он отчаянно закрывал руками член, но весь живот обрастал холодными толстыми слоями мертвой плоти.

10 Он свернулся калачиком и сгруппировался, касаясь подбородком коленей. Теперь его дыхание обжигало кожу, он слегка высвободил голову и перевел дух.

Ему ничего не хочется, он ни о чем не думает, не плачет, не спит, не шевелится. Молча прислушивается. Он всю ночь не смыкает глаз, слыша запах кожи, меловой пыли, засохших чернил – и запах собственных волос, смешанный с испарениями земли.

Все так непривычно, но он не боится; он лежит в тумане, на сухих ветках, на холодном перегное в роще, под беззвездным небом где-то на просторах Франции. Место ничем не хуже других – хоть это он знает. Низко наклонив голову и надавив подбородком на горло, он тяжело дышит и ждет, но когда светящиеся часы показывают полночь, его охватывает беспокойство: птичьи лапки, юркие зверьки, отрывистые выкрики, всадники и мелкие страхи.

Он не задается вопросами. Он ушел и никуда не хочет. Наверное, его найдут, вернут в семью, и, возможно, все возвратится на круги своя.

Но здесь он коченел, и больше ничто его не огорчало. Жажда не мучила; ночь уже близилась к концу.

Или никакого отдыха. Глаза слипаются, во рту пересохло, и я всю ночь перебираю воспомина-

ния. Шагам пока еще задает ритм дорога. Отныне моим домом станут поезда и вокзалы.

Лежа на скамье в зале ожидания, под ночным вокзальным солнцем, я буду чувствовать себя уютно. Вдалеке от мира, без будущего и без пристанища. Я увижу вокзалы ночные, дневные, зимние, под солнцем, в снегу; или шумные, с криками, толкотней. Я смогу при случае там работать, добыть немного денег вместе с теми, кто наполняет и разгружает фургоны. Обалдев от напряжения, я смотрю на других парней с судорожно сжатыми руками, сморщенными лицами, в узких и грязных штанах, облепляющих чресла, когда они приседают и потягиваются перед подъемом тяжести. Любая пауза станет поводом для сближения, пробуждения желания. Эта работа меня осчастливит.

II

В каждом воспоминании будет маячить продуваемый ветром вокзал, закопченный, засаленный, в накипи от чадящих люстр. Но я стану необычным пассажиром: мое место назначения – сам поезд. Коридор вагона, прислонившиеся к окнам мальчишки, сталкивающиеся со мной на бегу дети. Я подхожу вплотную, украдкой задеваю, сталкиваюсь снова и снова, прижимаюсь к тем, кто мне приглянулся.

Объявили забастовку. Я слонялся по вокзалу. Очень длинный перрон под открытым небом, зал ожидания, будто нарочно расположенный по центру, стекающиеся из пригородов пассажиры. У меня оставалось еще два часа до отправления: на целых два часа все останутся на этом острове. Я не вправе упускать такую возможность – ненадолго стать королем перенаселенного королевства.

Я бесцельно брожу по перрону, наперерез толпе, разглядываю встречных и зевак. Мне остается лишь охотиться, выслеживать, вынюхивать, стол-

бенеть. Но я ничего не вижу. Зал ожидания пуст. Я усаживаюсь и закуриваю.

Я не взглянул на вошедшего. Я не хотел этого: чтобы не рисковать, мне нужен сообщник. Я смотрю на него; я не в настроении и стискиваю зубы.

12 Ради этого люди рисуют каракули на закрытых дверях – на дверях туалетов, где, надежно запершись, в конце концов объясняются педерасты. Они расстегиваются, смотрят на свои гениталии, взвешивают их на ладони, холодный сквозняк ласкает промежность, так волнующе спускать штаны в общественном месте, предназначенном для испражнения: и они пишут то, что одетыми или у себя дома хранили бы в тайне. Затвердевший сгусток из пары слов на грязной филенке – мне хочется изложить заключенную в нем длинную теорию фраз, иллюзий, кошмаров и сказаний. Непристойности, которые кто-то говорит, рисует, совершает, зная, что слова эти необъятны; но они оставляют их здесь, словно кал, голую и потому слишком тягостную правду. Ее сбрасывают в колодец с камнем на шее и предпочитают, чтобы эту истину глаголали дети, – ведь, лакомясь конфетами, они просто повторяют то, что мы шепчем им на ушко.

А я, напротив, выбираю эти конечные фразы, написанные в углу засранной двери и словно говорящие о том, что человек больше не выдерживает. Запах фекалий, вытесняющий церковный ладан и цветочный аромат. Эта ночная колонна, кудаходишь и замираешь. Любовь неприятно отдает здесь горечью, а голос глохнет.

Он сидит, скрестив ноги и выпятив грудь; чуть моложе меня, а уже неприкасаемый. Итак, я не был в тот день на вокзале, не ушел из дома и не

прятался в тот вечер в лесу, незачем вспоминать события, которых не было. Я провел невинный день в лицее, дома, в тепле. Я изнежился в тягучей лени, извалялся в сахаре и масле; подрочил, а потом надолго уснул.

Он выходит из зала ожидания. Я решаю пойти за ним: я могу лишь пятиться, лицом к тому, от чего бегу, чтобы легче было вернуться.

Люди расступаются, или, возможно, я сам их расталкиваю. У него ярко-голубые глаза, размытые и стертые, точно пастель, по которой провели пальцем. Он остановился. Мы играем в два магнита. Я чувствую его упрямство, тревогу, лицо у него холодное, он ждет. Взрослые не обращают на нас внимания, так как не ведают об этих играх и знаках. Он снова отдаляется; я иду за ним по пятам. Верю: еще пара минут страха, и все кончится.

Я всегда воспринимаю мир только глазами. Важно лишь то, что сообщают и преподносят они. Я ничем не распоряжаюсь. Они выбраны, включены, взвешены: их оправдание в том, к чему они меня привязывают. Вот мальчик – и мне кажется, будто я превращаюсь в него. Губы, щеки, веки, очень бледная кожа блондина, просвечивающее ухо, как у тщедушных младенцев.

Неинтересные лица возбуждают меня своей кротостью; они принадлежат более завершенной и утонченной плоти. Я замечаю этого юного пассажира, а также бесчисленных его двойников; вероятно, я уже любил одного из них; был знаком с ним, трогал, называл по имени.

Слабый и грубый образ с плоским торсом, пухлые плечи, тоненькие ляжки, худющие, как спички, ноги, сухожилия, впадины и мышцы.

Одиночество причиняет телу боль, порой физическую, когда, не в силах утолить желание, во-

дит своим крюком по вашей плоти; старые девы и мальчишки знают, что я имею в виду. Боль рассеивается по коже, иссушает ладони, сковывает кости, выкачивает воздух из груди и сжимает ее в тисках. Боль раздирает плечи, хватает клещами затылок, утяжеляет и сокращает ягодицы, ослабляет ноги, как у выздоравливающего больного, который все еще в жару, но встает, чтобы помочиться. Смехотворный недуг.

14

Испытывать это недомогание перед ним было скучно. Но я и сам не знаю, что нужно делать. У меня словно зуб разболелся: любовные рези. Ничто так не изолирует.

Там-то я и подойду к нему – под грифельной доской, где цветными мелками записывают время отправления поездов. Он остановился посреди перрона, в самой гуще людей, изучающих расписание.

Тут нельзя оставаться, люди косятся на нас, они все понимают. На вокзале стоит всего два поезда, отправляющихся еще очень нескоро. Они пустые; мы выбираем один и тайком поднимаемся.

Он был еще наивнее, чем я, и подчинился мне, точно кролик удаву. Мы сели друг против друга в купе, он даже не понимал, зачем. Потом он малопомалу вышел из-под гипноза.

Или вышел, наоборот, резко, когда я дотронулся до его колена и штанов. Все оттого, что я поднес к его члену ладонь, ставшую продолжением моего взгляда. Он тотчас отшатнулся.

Он встал и сошел с поезда. Я этого ожидал: вряд ли можно рассчитывать на что-либо другое. Но все же я надеялся, что это произойдет не так скоро.

Нужно было нарочно положить руку, чтобы он возмутился, оскорбил меня и отбил всякую охоту.

Я остался в вагоне.

Я сойду на конечной, за городом, и выберусь на дорогу. Когда наступит ночь, лягу спать под деревьями. На следующий день отправлюсь дальше, пойдет дождь, он будет лить беспрестанно. Позже найду пристанище, например, в церкви; меня обнаружат, допросят, заберут с собой, вернут родителям. Чтобы я смог снова уйти пару недель спустя, постарев за это время.

Тогда я буду уже при деньгах, украду их дома из ящика и уеду далеко. Все равно, на каком поезде – дальнего следования или пригородном. Если хочешь двигаться против ветра, не оставляя улик, нужно ехать на мотовозах, старых паровозных составах, перебираясь из одного крупного города в другой, а крупные города несказанно унылы.

Сидящие на месте пассажиры. Сорок-шестьдесят километров от одного местечка до другого, чтобы продать лифчики, съездить на похороны, погасить долги, навестить больного, получить наследство, умереть на родине; на каждом лице растерянность и нервное возбуждение – вечные спутники дальних поездов.

Обычная зима, яростный декабрь: весну оставим другим, я еще не в том возрасте.

Я быстро нашел его на перроне, это было нетрудно – они повсюду, а толку никакого. Я проследил за ним, сел напротив в поезде, одном из этих поездов.

То был уже подросший паренек, безусый и нетолстый. Лоб насуплен, голова словно всплыла на поверхность и едва отбрасывает тень, защищаясь от незнакомцев, отбивая желание заговорить. Не буду и пытаться.

Волосы как мочало, кожа обычная, бледная. Они надевают джинсы и дешевые туфли с острыми

носками, расстегивают воротник рубашки; всегда одинаковая шея – ломкий стебель, перерезанный серпом футболки.

Длинные тонкие руки: одна на колене, другая на оконном стекле, куда упирается расплющенный подбородок; между сухожилиями – молочная плоть.

16 Модная, слегка усложненная прическа; но волосы не слушаются, и длинная прядь падает на лоб, точно приспущенный флаг, или сноп, поваленный спящим сборщиком колосьев. Он недавно подстригся: над ухом видна полукруглая вмятина цвета слоновой кости. Если дотронуться до этой кожи, на ощупь она будет, точно внутренность опала, очень тонкий пергамент, мякоть ягнячьих мозгов в моей тарелке.

Я видел, как он, рисуясь, шагал по перрону – худышка, щуплее и ребячливее меня; засунув обе руки в джинсы, не сгибал их в локтях, а вытягивал, разрывая карманы и поднимая плечи. Оквадрачиваясь, если можно так выразиться.

Плечи дуралея казались острыми, пока не расслабились, вновь обретя округлость. Воображала с задумчивой смазливой мордашкой; зябкая спина; белки глаз, как перламутр.

Скорбный, неуверенный вид, словно в чем-то провинился. Уж он-то согласится заняться любовью – таким покорным он выглядел. Мы стоим друг против друга, он изредка на меня посматривает. Этот взгляд усыпляет, обезоруживает. Вот и перемирие: больше не кусаемся, не ругаемся, ничем не рискуем, наступает успокоительная, безрадостная усталость.

Я закуриваю сигарету. Он смотрит, как я делаю первую затяжку. Смотрит на сигарету и выходящий из ноздрей дым. Ему тоже хочется. Я знаю,

как он курит: неистово вытаращив глаза.

Я протянул бы ему одну, но что подумают люди – да и он сам, да и я?

Через небольшие города протекают серые реки. В них всегда отражается тусклое небо. Повсюду грязные, унылые дома. Речное дно мутное, каменистое, усеянное какими-то жалкими отбросами; вода почти неподвижна, у нее ни гроша за душой, она делает ноги, когда ее видишь, хочется утопиться.

Мальчишка похож на эти реки.

Через десять лет я получу профессию, у меня заведутся деньжата, клетка откроется, я буду покупать себе малолеток – таких, как он или я, смогу спать с ними, стану господином. Но...

Мы все еще смотрим друг на друга. Возможно, это и к лучшему. Смеха ради я представляю его сухим дедулей с выцветшими глазами. Он колет дрова в саду, пропальвает салат и никогда не скрещивает сонно руки, не сплетает пальцы. Я укладываю этого седого старичка в гроб: всего-навсего белый порожний кокон.

Есть еще, разумеется, кино. Одна-две девчонки на всю компанию, изредка можно подержать за руку, поцеловать, подергать за сиськи – такая подготовка к женитьбе. Бильярд, пластинки, мотики. Веселые праздники, побелевшие губы, сигарный дым, которым чадят взрослые. Иллюстрированные журналы. Ателье, приятели. Порнушка в вокзальном книжном. Дни, когда посчастливилось жить, как все, и быть почти таким же довольным. Если вдуматься, на свете много заманчивого.

Он не вправе сердиться на меня, что я там встал. Когда-нибудь у него появятся жена и дети, а у меня что-то другое или ничего. Мы будем ста-

раться. Хотя ясно, что это бесполезно, так долго подыхать – слишком утомительно.

Поезд останавливается. Это его город. Я мог бы сойти, поспешить за ним – в моей воле отправиться куда угодно. Но не хочется проверять собственные догадки: разве может быть что-либо достовернее?

II

Шел ливень. Под деревьями было темно, как ночью. А в листве – стук бубенцов, скрип, бумажный шорох, треск.

19

Мой плащ быстро промок на плечах; вода стекала с волос на затылок, виски, шею.

Он остановился и, присев, попробовал спрятаться под нижними ветками. От земли поднимался гнилостный, кислый, чистый запах перегноя; другие испарения, послабее, но тошнотворные, исходили от его живота, обволакивая склоненное лицо.

В полдень, в обеденное время, я часто уходил из лица, точно экстерн, и больше часа бесцельно блуждал по городу – почти бегом, без остановок и безо всякого интереса. Иногда лил дождь, но я был в плаще нараспашку и даже расстегивал воротник рубахи: все насквозь пропитывалось холодной водой. Штаны прилипали к ляжкам, мешая ходьбе. Я возвращался уставшим и таким разбитым, что никакие мысли в голову не лезли.

Под дождем он не думал больше ни о чем: голова становилась пустой, словно капавшая на уши теплая вода стекала не с волос, а с раскрывавшего свои полости мозга.

Дождь не утихал. Ноги затекли, он в нетерпении встал, выбрался из неподходящего укрытия и вновь поспешил в путь.

Поначалу я сопротивлялся ливню, пытался съе-

житься и посильнее закрыться, но меня сломила сила воды, неиссякаемая мощь черно-белых небес и паника, охватившая деревья, тучи, изнасилованную землю.

Я шел по тропе через чащу, вдалеке от дорог. Топкая земля была желтоватой. Джип оставил две свежие колеи; я шагал между.

20 Неравномерный след не перерезался ни единой тропкой: он петлял, разворачивался, пересекал подлесок, скрывался под деревьями, устремлялся к нескончаемым полянам, опустошенным пожаром; тропа все больше вытягивалась, по бокам – распиленные стволы, мусор, папоротниковые заросли.

За купой деревьев показался заброшенный карьер. Он был небольшой, с резко обнаженным пластом известняка – поросшим сухими деревцами холмиком. Этот бугор был разрезан сверху вниз, и внутри выделялась кремовая плоть с оттенком мочи, кое-где заржавленная, изъеденная квадратными выемками. Срезы покрывал зеленоватый мох.

Справа, за остатками забора из колючей проволоки, я увидел дощатую лачугу и вошел. Она была чуть выше человеческого роста, два-три метра в глубину. В переборке напротив двери – оконный переплет без стекол. Серо-бурая, заплесневелая древесина; скамья. Земляной пол, но среди мусора – бидонов для масла, отстрелянных гильз, сгнивших бечевек, железяк, лопнувших лампочек, распахнутых консервных банок, грязной бумаги, тряпок – пробивалась трава. Кровля из рифленого железа еще не пропускала воды. В двери ромбовидное отверстие, как в деревенских сортирах; наличник отстал, и закрывалась она неплотно.

Не снимая плаща, он сел на скамью. Холод, голод, озноб – плевать.

Поначалу он сидел прямо, сжав колени, будто непрошенный гость. Прошло много времени, и его настолько встревожила одна мысль, что он согнулся, уронив руки между раздвинутыми ногами.

То было желание курить. Лачугу пронизывали порывы ветра, и его разбудил запах сигарет. К сырым, растительным, горьким дуновениям примешался аромат черного табака.

Тут могло бы кое-что произойти.

– Чем это ты там занимаешься?

Тип застал меня врасплох: я задремал. Но, если бы не этот сердитый голос, я бы даже обрадовался его появлению.

Секунду спустя я понял, что попался. Он будет задавать вопросы, заподозрит невесть что, ответит обратно в город: жандармы, телефон, возвращение.

Я вообразил, как дерусь с ним, убиваю или ускользаю у него из-под носа. Я злобно уставился. Жесткий холщовый костюм, стройные ноги, галоши. меховая куртка в жирных пятнах, приятно облегающая плечи. Такими руками держать хлыст, пилу, бревно. Враг.

Я ничего не ответил.

– Сначала встань.

Я встал. Он молча посмотрел на меня, а потом начал:

– Ну? Откуда тебя занесло в наши края?

– Оттуда.

– Сюда вход воспрещен, это частное владение.

Ты что, колючки не видел?

– Погулять уже нельзя? Я бродил, а как ливануло, спрятался в лачуге.

Об этом он мог бы и сам догадаться.

– Ладно, пойдешь со мной, я на джипе. Сейчас выясним, откуда ты взялся.

Я остановил джип за деревьями. Присел рядом посрать и закурил. Но лило как из ведра, и сигарета вмиг намокла. Я выбросил ее. С грехом пополам подтерся и встал.

22 Я решил наведаться в лачугу. Лет двадцать назад пацаны ходили туда потрепаться, покурить сигареты светлого табака, от которых щипало в горле, помечтать о девчонках, каждый дрович себе сам, и все рассказывали, что делали с девчонками, куда им вставляли, хотя на улице и близко не решались к ним подойти, приходилось сочинять и приукрашивать, так хорошо было сидеть всем вместе, вывалив члены, и представлять весь тот разврат, каким мы займемся с бабами, едва до них доберемся.

В дожде ли дело или в старом карьере со всеми этими воспоминаниями, но у меня встал, и захотелось немного расслабиться. В лачуге, как раньше.

Мальчонка весь извелся. Наверно, сбежал из дому. Во всяком случае, я ни разу не видел его в этих краях. Я почувял, что он вот-вот соскочит с крючка. И решил зайти с другого бока.

– Давно удрал?

Он пожал плечами.

– Если будешь молчать, отведу к легавым. А родители? Ты подумал о том, что они уже обыскались?

Он не ответил. Это нервировало. Я подошел к нему.

Едва я встал перед ним, мелькнула грязная мысль. Мы тут совсем одни, никто и никогда сюда не заходит, да и мальчуган наверняка ничего не расскажет.

Я схватил его за плечи. Плащ промок, и я снял его. Паренек не сопротивлялся.

Пуловер и рубашка тоже были мокрые. Видно, он долго бродил под дождем. Я прижал его к себе, расстегнул свою меховую куртку, чтобы согреть. Он опустил голову.

Пояса у него не было. Я просто сорвал пуговицы, и штаны спали сами. Потянул за трусы. Какой белый живот, пиписька. Я сел и положил малыша ничком себе на бедра, будто собирался отлупить. Он обмяк, словно тряпка. Я сдвинул его рубашку и стал очень ласково тереть ему ягодицы. Очко он не сжимал. Коленом я придавил ему член. Он был мягкий.

Стоя, в джипе или лежа на скамье? Лучше стоя, на скамье я отдавлю себе все кости, этот тип меня расплющит. А о том, чтобы сесть с ним в джип, и речи нет.

Все произошло на скамье.

Когда лесник отвалился, хуй был еще твердым. Внизу у меня – расквашенная плоть, мясной прилавок, куда он кончил. Он приставлял подбородок к моему затылку и стучал, словно кувалдой: такой жесткий. Ниже талии меня рассекли надвое, моя нижняя половина извивалась, пронзенная гарпуном. Он упорно шуровал в заднице, раздвигал мышцы и забивал гвозди один за другим.

С мальчиком надо быть осторожнее – хотя бы подстелить что-нибудь мягкое. Но мы привязываемся к тому, что узнали на собственной шкуре, и потому я хочу, чтобы секс был необузданным, как изнасилование.

– Ну что, отвезти тебя?

– Нет.

– Уверен? Уже семь, что ты будешь теперь делать?

– Оставьте меня в покое.

– Я не поведу тебя к легавым, а отвезу к себе – только на эту ночь.

– Нет, я останусь здесь.

– Ну ладно, ладно, как знаешь. Тогда пока, ну и спасибо.

Он расщедрился: оставил мне пачку «голуза». Но бабки зажал. У него в джипе еще есть сигареты. Он дал спички, но они намокли: я испортил пять или шесть, пока не зажег.

24

– Платка нет?

– Нет.

Он подобрал кусок заплесневевшей тряпки и вытер член.

Когда джип тронулся с места и разогнался, меня будто пнули ногой в живот. Если бы теперь слышались другие звуки, шум бегущих мимо и забредающих сюда зверей, я бы не убивал их, а смотрел, и было бы не так страшно.

Я не подбочил и десяти секунд. Полилось самой собой, никакого удовольствия. Водянистые сливки, вязкая водичка – и больше ничего.

Потом он успокоился, весь сморщился, в волосе висели сопли. Я даже не чувствовал его: весь выхолощенный, он исчез, втянулся.

Задница жутко болела. Туда забили молотком стальной уголок, она лопнула, и острие уголка ободрало кишку.

Я переночую здесь, в укрытии; загородить дверь не составит труда. Положу стол вверх ногами, в углу напротив скамьи, совью гнездышко и свернусь там, прижав плечи к коленям, а голову к теплему животу.

Я покурил: это успокоило желудок. Хорошо, конечно, что тип оставил мне сигарет. Но если снова

встречу пидора, лучше уж попрошу денег.

Возможно, лесник еще вернется, нужно просто принять решение, подожду в лачуге или в любом другом месте.

Он вернется. Мне хотелось его. Все следы его пребывания исчезли, не считая табака.

Я задыхался от лихорадки. Лег на скамью, вспотел, чуть не блеванул. Ночь была долгой, и я простудился. В лачуге жарко, как в парной. Я встал, чтобы открыть дверь, вернулся, придерживаясь рукой за переборку, упал на скамью, и меня вырвало пенистой водицей со сгустками. Откуда все это взялось? Но жар слегка спал. Если бы удалось поспать, голова стала бы свежей и ясной, я смог бы встать и убежать в лес – на улице хорошо. Когда тебя выебли в жопу, надо как следует пропердеться и подристать. Я лежал ничком, лицом в блевотине, и ждал.

Живот отпустило, и снова обволокло теплотой. Я вышел, забыв о сигаретах, плаще, скамье, леснике, но не прошагал и пяти минут, в темноте запутался ногами в папоротниках и сел, было очень холодно, и я лег.

Я сказал, что это произошло около семи вечера. Но дело было во второй половине дня. Точнее, дождливым днем.

Я долго шагал по осенней дороге, по глухому захолустью; дорога перерезала деревни и проходила вдоль погостов или элеваторов.

Запряженные в бороны лошади, забрызганные грязью грузовички, коренастые и медлительные мотоциклисты – больше ничего не попадалось на глаза, все эти дни никто со мной не разговаривал.

Скорее всего, это было поздним утром, около

десяти: значит, я брел уже четыре часа. Разумеется, я проголодался. Страшный ливень. Я двигался вдоль высоких деревьев с еще не опавшей густой листвой: дубов, берез, орешника, ясеней – поди разберись.

Я заметил аллею для верховой езды, ведущую в лес. Она была широкая, чистая, словно выскобленная. Я свернул в нее.

26   Едва сделал пару шагов (вдалеке слышались выстрелы), показалась другая аллея. Я пошел по ней, изменив первой. Заросшая травой, усыпанная листьями аллея постепенно сужалась под роняющими капли ветвями и вскоре превратилась в тропинку посреди колючего кустарника.

Быть может, я дошел под дождем до самого конца и по тайной дорожке добрался до какого-то замка? Тогда это было время чаепития.

Я стою перед камином в этом жилище, замке, где, как водится, обитает одинокий старик. Время чаепития. В камине пылает огонь. Старый господин велел меня раздеть. Моя одежда сушится. Я стою в чем мать родила, веду себя крайне учтиво. Владелец замка бормочет что-то за спиной. Я так голоден, что не обращаю внимания на его слова и долгие взгляды, которые он бросает на мой член.

Старик встает, выпячивает грудь и с чашкой в руке продолжает монолог, даже не вспоминая об ужине. Он вертится вокруг, задевая меня локтями, бедрами, пунцовыми щеками. Наконец подносит руку и дотрагивается до моей пиписьки. Я резко отскакиваю, внезапно просыпаясь.

Я сильно ударил его лбом в лицо. Возбудившись, он накинулся на меня. Тогда я заехал ему коленом по яйцам, и он повалился на пол.

На выходе я услышал оклик старика:

– Малыш, останься, умоляю! Я тебя не трону. Останься со мной!

Я замешкался. Близилась ночь, по-прежнему лил дождь, на улице и впрямь было очень холодно, да еще неприветливо грохотал гром.

Я остался. Но старик не ужинал сам и не накормил меня. Лучше бы я ушел.

Я старался не смотреть на него. Он усадил меня рядом с собой и, не спуская с меня глаз, неторопливо дрович. Хоть я оделся, он уже видел меня голым и представлял замысловатые картины, что подчинялись ритмичным движениям его руки, переливались через край, затапливали стены и тела, превращали всю комнату в трясину, яму с зыбучими песками, где я мало-помалу увязал.

Я проснулся. Была полночь. Старый господин, очевидно, спал. Огонь угас, но уголья еще тлели, и я подбросил дров.

Гостиная напоминала утро после бала; я рассмотрел потолок, лепнину, увидел огромные рога с плоскими отростками, как у северного оленя. Я вообразил приключения в Лапландии, снежные бури, литры выпитого алкоголя... Большое кресло с кожаной обивкой, где мечтают о путешествиях с планисферой в руке – путешествиях, что совершались только в далеком прошлом.

Я не слышал дыхания старика. Он скрючился, засунув руку в ширинку и склонив голову на плечо. Мне померещилось, что он умер, и я принялся трясти его за отворот куртки.

Было одиннадцать часов. Я не хотел здесь оставаться. Меня пугала гостиная, и вестибюль, и каменная лестница, и длинная тропа, по которой я пятился.

Пока я спал, гроза пронеслась мимо, но дождь лил не переставая. Прямая аллея тревожила меня еще больше, нежели узенькая тропинка в зарослях: на открытой дорожке я был удобной мишенью. Изредка выглядывала голубая луна, и я отбрасывал перед собой тень.

Разумеется, нет. Я пошел по другой тропе. Шаггал добрых полчаса, затем вышел на дорогу и добрался до деревни. В семь или восемь утра на улице никого не было. Я заметил лишь двух замарашек, сидевших на корточках во дворе; их грязные юбки задрались до самых ляжек. Они посмотрели, как я пью из колонки, – чтобы полилась вода, нужно повернуть чугунный диск, – судя по пыльным ногам, они, наверное, во что-то играли.

28

За деревней фруктовый сад вдоль дороги. На откос падали красновато-зеленые яблочки. Я подобрал три-четыре, но они оказались кислыми и червивыми.

Когда проснулся в рощице часов в пять, небосвод был зеленым, как вода, и вдалеке розовел горизонт; потом зелень стала бронзовой, а розовый цвет посерел. Я вышел из рощицы и двинулся напрямик через поля – к веренице обозначающих дорогу телеграфных столбов. Пришлось долго брести по комьям земли, разминая ноги. Я перестал их чувствовать: словно ватные. К ногам постепенно прилиwała кровь, они становились мягкими, нежными, хрупкими, будто их исколошматили.

Воскресенье, потому как трезвонили колокола, а в деревне все были в черном и в шляпах – обыватели на церковном празднике.

Это случилось неподалеку от хутора: двое ходивших парой мальчишек спросили меня, который час, я посмотрел на чистые колени, брюки со «стрелками», старательно расчесанные на косой пробор волосы и слегка лоснящиеся лица – такое бывает, когда не смываешь мыло полностью, отчего кожа натягивается и блестит.

Поболтали. Я предложил подрочить втроем. Они были не против, вот только сходят на мессу, а то уже и так опаздывают. Не вопрос. Я подожду.

Аббат насыпал мне две ложки пюре и откусил хлеба.

– Мамаша велит заваривать вербену. Хочешь немного? Тебе нравится, мальчонка? И смех и грех! Сколько часов, говоришь, ты пролазил по лесу?

Парнишки пообещали вернуться, чтобы я от них отстал: просто оставь нас в покое, и заработаешь сахарок, ладно, скоро повеселимся.

29

«Сейчас» значит «никогда».

Так все и было. После мессы они пошли ебаться в сарай, а я шпионил, пока они не кончили, и не решился войти.

Старая мамаша пюре прислуживала, а он буквально вытирал об нее ноги, на вид ей было лет сто: крохотная, в чепчике, во время ужина стояла в кухне, я съел ее порцию мяса, которую всучил мне пюре. Разлив отвар, мамаша ушла. Кюре вытянул свои длинные оглобли и зевнул, прикрывая ладонью рот.

Парнишки вылезают из сена: осень, холодно, они пойдут домой, в тепло, пожарят в камине лопающиеся с треском каштаны, сядут на табуретки, почистят фрукты, изредка швыряя их мне, – гроза миновала, в самом конце аллеи видна дорога.

Я иду ночью по деревне, запертые ставни, люди спят в тепле, я быстро прохожу мимо, мои туфли стучат по мостовой, словно трости, слышно до самой церкви, деревня далеко позади, я ступаю на поднимающийся в гору луг, там яблони, вижу сарай, но он заперт на засов, не важно, дождь – это хорошо, в том сарае спят, обнявшись, двое парнишек, не буду им мешать, пусть себе спят, я найду

другой, открытый и незанятый, пожалуй, это из-за дождя, на дождь мне плевать, но надоело шагать и твердить, что я шагаю и что идет дождь

30 я не собираюсь спать стоя, нужно отыскать угол, здесь повсюду должны быть дыры, щели, желоба, что угодно, к примеру, автобусная остановка – хорошее укрытие, не дует и можно заночевать, на проселочных дорогах есть автобусные остановки, почему я не вижу ни одной? в доме старика я согрелся, но в тепле просыпается голод, стоит сделать привал, и все сначала: обязательное, необходимое, полезное, приятное, излишнее, в пору лечь и сдохнуть, но дороги ведут в города, большой город – идеальное место для пидора, можно спрятаться, там ведь памятники, лицеи, скверы, общественные уборные и кафе, да только у меня нету денег

ну и натерпелся он из-за этого дождя, он не так уж и рассердился на педика, ему просто захотелось милого белокурого мальчика, или то был высокий брюнет, мадмуазель влюблена, они ровесники, она восхитительно сентиментальна, у моей дорогой доченьки талант, пидорок – чувствительный пианист, тереться о красивого малыша и нежно вздыхать, мадмуазель в объятьях жениха

потом он ушел, стремясь найти то, что всегда находят в лесу пятнадцатилетние, читайте романы

замок

с обширным, густым, непроходимым парком, он перелезет через стену из трухлявых камней, увитую плющом, запах листвы останется на пальцах вместе с зеленой пылью, он войдет в парк, будет там жить, лазать по деревьям, пить, раздвигая ветки, убивать белок, грызть лесные орехи, воровать яблоки из соседнего сада, он будет тощим,

неопрятным, привыкнет шпионить за красивым самодовольным мальчиком в вышитой рубашке, обитающим в замке, так пройдет больше сотни лет, но они не встретятся, и однажды осенью они вдруг столкнутся лицом к лицу, его член в разорванных штанах напряжется, но он успокоит его, словно болтливую птицу, красивый самодовольный мальчик посмотрит на него и спасется бегством

он покинет парк лес поля вернется в город скажет вот и я поступит добровольцем в армию где ветераны с огромными мышцами квадратными челюстями и толстенными хуями сделают его своим талисманом и будут ебать по десять-двадцать человек за ночь и в конце концов он станет таким же как они, вот

но зря он все-таки ушел, ведь там был не блондин, а брюнет, и тоже красивый, не такой, конечно, красивый, как блондин, но все же, на перемене он тайком вскроет себе вены бритвой и спрячет руки в карманах, чтобы не видно было крови, потом окликнет брюнета, который подойдет и устанется на него с тем видом, что напускают на себя взрослые, занятые крайне важным делом, например, игрой в мяч, если их отвлекают, тогда он покажет брюнету запястья, и тот скажет «ну и ну, вот так так, чтостряслось» и придет обнять его в медпункт, или он зайдет в сортир одновременно со взрослым и перебросит ему через дверь записку, которую переписал десять или двадцать раз, пока не остался доволен почерком, бумага упадет взрослому под ноги, тот подберет ее, прочитает, застегнется и впустит меня в кабинку, но мы не отважимся заняться сексом, ведь в первый же день – это очень скверно, просто признаемся друг дружке в любви и подождем до следующего чет-

верга, когда взрослый пригласит малыша к себе домой, это произойдет в натертом до блеска коридоре с фарфоровыми вазами, шляпами и большим зеркалом, затем в буржуазной гостиной с парчой, белоснежными безделушками, восточными коврами и небольшим роялем, они останутся наедине в жуткой гостиной, взрослый обнимет малыша, и малыш упадет в обморок, хотя специально помоеет перед этим ложбинку между ягодицами, все будет так мягко и медленно лежа на животе и он не посмеет застонать делая вид что потерял сознание чтобы другой ебал не слишком грубо понимая какое это для него потрясение

нехорошо притворяться, что ты без сознания, но, быть может, он потеряет сознание навсегда, ему так хотелось обнять его, они всосались друг другу в рот, понятно, что вкус так себе, но ради этого случая

а потом прикинуться дурачком

он спрячется в лесу, другого выхода нет, станет дикарем из дикарей, если захочет испытать оргазм, потрется животом о ствол и возбудит анус ножом, у него будет нож, он зальет листья кровью, она туда стечет, а он обсосет ногти, окуная их в кровь, усеет землю сухими кашками, даже не сядя на корточки, и, став грязным оборванцем, изголодавшись и покрывшись шрамами, встретит и трахнет старую блядь, что провозгласит его королем уголовников, распутником, ебарем собак, он пойдет и ограбит буржуазную гостиную красавца-брюнета, украдет у него носовые платки, трусы и перьевую ручку, но так не может продолжаться, он вырыл для себя пещеры стыда и смотрит оттуда вдаль, среди бела дня, ведь ему хочется играть со взрослым во дворе в футбол и чтобы его ласкали в паху на уроках, а он бы закатывал глаза, как теле-

нок, которого собираются оскопить, он будет таким шаловливым, таким ненасытным, предаваясь любви каждый четверг где-то после обеда

красавцу-брюнету семнадцать, наверно, у него толстенный, раздутый и липкий, он разворотит мне кишки, когда взрослый войдет и я буду лежать ничком, кровь потечет по животу, а хуй станет еще толще, длиннее и тверже, он должен ебать меня осторожно, хорошенько смазавшись слюной

и он даже не втыкает, а просто трется сверху, ведь это, наверно, очень больно, ну и ладно если это очень больно он захнычет стиснет зубы когда взрослый вставит ему до упора и обрадуется особенно если взрослый вставит до самого упора он несказанно обрадуется если этот огромный залитый кровью член вывернет ему зад наизнанку выдерет внутренности наружу оставит воронки от снарядов измочалит и все перероет словно он засунул поглубже руку чтобы нащупать и вырвать сердце вытянуть все это через анус в пенистых сгустках он зальет своей спермой раны на трупе сжимая свой хуй обеими руками как хорошо когда тебя заебут до смерти

это не так уж сложно, но стоит попробовать, и все запутывается, херится, становится невозможным, с таким же успехом можно вернуться в ту дыру, из которой вышел, этим беднягам в городах тепло, так утешительно скучиваться, точно икринки в рыбьем брюхе, многие икринки погибают, но им все равно, их много

я бы никогда не смог жить с ними, взрослые будут подавлять меня из-за моей молодости, а молодежь – харкать в рожу за то, что я пидор, они попытаются отвести меня обратно в свои прекрасные метрополии, у мадмуазель нервный приступ, успокойся, дорогая, выпей стакан воды, тебе

станет лучше, бедняжка, она такая нервная, заглядывается на парней с восьми лет, само совершенство, где же ей подыскать достойного мужа

это ненастье не кончится никогда, я все же присяду, вот и километровый столб

я примостился у столба и наклонил голову, не ходить же, как в воду опущенный, у ног поблескивала лужица, мне очень нравились эти отблески, в переменчивом небе появлялись просветы, в них проглядывала луна

34

в сарае один парнишка обнаружил, что у другого грязное очко, достал носовой платок, смочил слюной и бережно протер ему анус, затем потыкался туда пиписькой, и после такой заботы блондинчик растаял

а со мной ты не захотел, когда ты вышел из сарая, из вокзала, нет, сарай в снегу зачем ты пошел расскажи ты же помнишь вместе с

я снимался на тротуаре, нет, вернулся домой, приходите в четверг мсье в этот день я скидываю штаны, или после воскресной мессы у большого каштана, мы выбрались из сарая, такие растрепанные, и грызли каштаны, я уже вышел из того возраста, чтобы заниматься с вами любовью, я не омрачу ваших будущих воспоминаний, отцы семейств, всему свое время, кого бы вы предпочли после этого юного эфеба господи? вы предложите нам женщину метрдотель какой вкусный десерт ополоуметь можно шикарные блюда в которых

кюре хлебал суп, широко размахивая ложкой, вкусный супчик, малыш? очень вкусный, господин кюре, мамаша кюре стоя жрала свой суп, цедила сквозь искусственную челюсть, там застревали волокна порея, она жрала перед раковиной, амнямням мамаша принеси нам бифштекс, отдай ему свой, а сама поешь варенья, пострелен-

ку надо пожрать, хлебушка, постреленок? выпейте чуть-чуть винца мадмуазель, после этих ваших неприятностей полезно, ах кюре я все понимаю, неприятности, славная молодежь хлюп-хлюп обожаю молодежь, что ни говорите за молодежью будущее старики погрязли в прошлом, на первый взгляд это кажется странным но посудите сами мадмуазель, он вытер свою тарелку огромным куском хлеба, запустил туда пятерню, развернул ее и поднес к губам, широко раскрыл рот, вывалил язык веером и положил все туда, потом каждый палец по очереди, и каждую крошку под ногтями амнямням какое вкусное пюре правда малыш, а теперь немножко побеседуем исповедуйся мне в своих грехах шалунишка, значит родители не пускают тебя на мессу, в наши дни люди перестали, «голуаз»? даже не верится что я и спасаем души к примеру твоя вербена остыла малыш, черт мать уже легла, нет она еще на ногах встань с койки мамаша и быстренько подогрей бедная кроха погоди как лесник? и он тебя ах да ну и ну нет-нет мы сообщим в полицию не бойся ага какой огромный член у него в джипе ха у меня задница распухла точно артишок милочка

аббаты здоровенные детины мы падаем в них помимо своей воли, как бумажные кораблики которые дети пускают в канавах падают в каждую водосточную воронку, кюре с распахнутыми ртами на уровне земли, примем же сии кораблики братия мои, давайте спасать вылавливать души господа в едином ритме если вам угодно и победитель сможет поцеловать заднее колечко господина святого Петра

я шагал с тобой по снегу в полдень мы пойдем я тебе нравлюсь да не плюйся ты вдвоем рука об руку милый не так сильно у тебя от этого красивая кожа нежная-пренежная я съем тебя целиком

милый еще чуть-чуть покричи милый ты же это любишь мы нравимся друг другу поколоти меня хорошенько раскорячься и

славный мальчик ну пойдём со мной, я мсье, ну да, ах мсье куда же зачем же, не волнуйся малыш я не испорчу твою дырочку к тому же страдание возвеличивает человека, вы так думаете мсье но мне некогда нужно сделать уроки подготовиться к контрольной по математике да еще упражнения по добрачной дрочке, как интересно вы проводите вечера маленькие французики нет не краснейте симпатичный молодой человек вы так очаровательны мадмуазель ведь вам уже пятнадцать у вас на заднице растут волосы они светлые я в этом уверен как же я сентиментален мадмуазель я не разочарую вас я опытный зрелый мужчина целая история с использованием мыла брачная ночь в гостинице

старый владелец поместья поимел пацана, пацан послушно явился, в самом конце аллеи для верховой езды, дурочка поправляет бретельки, престарелые феи, мальчуган не шевелится, лежит ничком, подложив руки под голову, слегка раздвинув ноги, рубашка задрана на поясице, а между ягодицами остывающий привесок, старик должен дать ему денег, но у паренька такой идиотский вид, он так глупо стонал, так обалдел на ложе, так смешно уперся подбородком в кулачки, у него белая, нежнейшая жопка, его грязная одежда грудой свалена рядом с ним, нет, не стоит платить, мадам уже налила чай, она полагает, что этого достаточно, проверяет его костюм, слегка вытягивает манжеты и выходит из комнаты, уши все еще красные, едва хлопнула дверь, пацан оборачивается и харкает, потом садится, обхватив руками

колени, простыня под ним намокла от спермы, он сильнее сжимает руки, не может встать, одеться, уйти

ну выходи, айда со мной

завтра посмотрим сказал блондинчик вначале я хочу почитать молитвенник в двадцать четвертой позе не с тобой а с господином кюре

нет ну что ж юноша у вас такие красивые глаза и такие длинные безволосые ляжки в уборной не так уж дурно пахнет это создает атмосферу уверяю тебя милый так ты вернулся да последняя дверь в глубине и не закрывай ладно милый смотри как нам хорошо и как они добры к пидарасам даже опилки подстелили ах как хорошо ааааххх сначала ты милый возьми меня да нет тут не так уж много дерьма встряхни меня скользко милый войди в меня красивый мальчик пошуруй своим прекрасным хуем на опилках скользко да потому что пол наклонный он и должен быть наклонным напирай сильнее не бойся разве что лопнет ага у меня мозги в жопе но не обращай внимания напирай изувечь меня сделай мне больно этим вечером но только не бей ногами милый не пинай так я застрял вернись сволочь вытащи меня отсюда не смывай дай вылезти обхохочешься.

дело было летом, я скатился вниз и очутился в зарослях у подножия скалы, а затем снова полез наверх, вот так забава

нет, я устал, слез со скалы и вернулся на поляну, мне нравятся туалеты, там куда комфортнее, чем в лачугах, где душно и жарко, дрожь от озноба и страха, туалеты безопасны, никто не придет и не ударит по почкам, как в лачугах, но за городом нет общественных туалетов, там ссут по ветру, срут в траву, трахаются на откосах, есть старые разрушенные лачуги, откуда ни возмись грубый му-

жик, в папоротниках было свежо, если не считать зловония, когда снизу попахивала земля, но это не земля, а дрисня содомита, мы стареем, слышишь малыш останься со мной, я буду хорошо подмываться, я ведь через пару-тройку лет загнусь ты же не можешь отказать умирающему

ладно знаем мы эти уловки заткни пасть а то стукну, я вышел из папоротников, гроза гремела где-то вдали, молния не сверкала, лишь сильный ветер, и все затоплено водой

38

господи мое белье на улице, вот именно маманя сходи за ним, поторопись, нет оставь зонтик а не то еще порвешь ненароком, потом высохнешь, значит голубушка в задницу, да господин кюре, это очень скверно моя дорогая и тебе понравилось? ну так себе господин кюре, это очень скверно моя дорогая, очень скверно, можно заработать трещины, наросты, опухоли, геморрой, Господь накажет тебя в том месте через которое ты согрешила, но это же больно господин кюре там внутри гноится Господь, когда как милок, если посильней раскорячиться, можно засунуть внутрь целый кулак и шанкры всякие уплотнения, осторожнее, ты же знаешь как это некрасиво, а вот и маманя правда промокла до нитки мерзавка но когда добрый боженька отнимет у меня эту старую калашу она ведь больше ни на что не годится я заведу себе горничную милостивый Иисусе сделай это ради меня хотя если ты думаешь ей ни до чего нет дела так она ко всему цепляется нет не хватало только дождя

я прошел много километров, прежде чем добрался до карьера, я больше не выходил оттуда, ведь он должен был вернуться, в ботинки набилась грязь, мне бы пришлось ползти на четвереньках, я отыскал шоссе, будь у меня плащ и сигареты того

типа, я мог бы засунуть кулак целиком, просто изредка возникает желание оттого что он такой закругленный и мягкий на ощупь, такой огромный в жопе и

я дошел до конца тропинки, дальше дорога ведет через деревни, они состоят из сараев, щебечут синицы, лают собаки, этой ночью у меня вместо подушки двое малышей, два сорванца – это еще лучше подушки, только бы найти хорошую деревню, где два пацана согласятся не ходить на мессу, кюре перебьется, они отслужат мессу жопой кверху для меня одного

39

поле вращается я возьму все в охапку, подниму повыше и отпущу

нет, еще чуть-чуть, у маленького гомика заболели ножки, прелестный ребенок какая холодная ночь, мдааа мсье, ты спешишь, нет мсье, просто мсье холодно мсье и ночь мсье, тебе неприятно, что я иду за тобой малыш, нет-нет мсье наоборот хорошо чего вы хотите от меня добиться вы же не изнасилуете меня на тротуаре мсье на снегу мсье, нет малыш ты правильно меня понял, понял что мсье если вы про это то достаньте бабки и мы посмотрим хватит ли у вас, никогда малыш никогда не плюй в колодец, нет-нет какой же я урод малыш, вы страшилище мсье но позвольте мне вернуться домой

я говорил только о блондинчике я больше не знаю что делать с ним или с ревенным вареньем половики плетут из усов солдатских вдов о я трахну его если снова встречу засуну ему в зад колючие цветы я хочу чтобы он приподнялся с хуем в жопе и чтобы кровь стекала по его ногам ярко-красная ее будут слизывать собаки эти собачьи языки у него между ляжек вся кровь выльется из сердца и

вен и когда он рухнет замертво я сожру его кусок за куском уписывая за обе щеки и сдохну от несварения самой прекрасной смертью какую можно вообразить

40   господин умер в кресле, слабое сердце, приступ, его липкое от спермы белье, синюшная бледность старика, страшно глянуть, я не решался выйти из гостиной, можно перекусить где-нибудь еще, я убежал на цыпочках, оставил этого господина в его склепе, наверно, пока он смотрел на меня, ему снился чудесный сон, он мертв или нет, и если умер, то после, до или во время

и снаружи

вероятно я опять встретил лесника упросил его положить меня на скамью и еще раз повеселиться готовый отдать все на свете лишь бы он притащил свои бревна и гвозди и оставил меня распятым на смерть после анального секса

но я не вернулся в лачугу, а рухнул в папоротники, было холодно, я там заснул, меня разбудил мой собственный запах, я снова пошел по грязной тропинке с колеями, оставленными его джипом

я двигался по колее, чтобы не заплутать в ночи, выбрался из рощи на рассвете, повстречал мальчишек, но что я делал вечером, был ли это обычный воскресный вечер

это случилось не летом, ведь мох и песок я не придумал, я спускался из одной пещеры в другую внутри утеса, накануне лета скалы ярко зеленеют

или весной, возможно, в марте или в апреле, если весна была холодной, она напоминала осень, но я все равно не протяну до весны, двое мальчишек, и уже не так холодно, у меня с собой плащ

я забыл его в лачуге, наверно, я был в плаще, раз позже его скинул, лесник его снял, я помню, хуже некуда, два паренька были в сарае, меня

очень жестко очень долго лупили на скамье, меня со всей силы выебли не пацаны, а, скорее, лесник, обсосавший им попки, я был одним из них, мог быть, так мне казалось, я сел в джип, и наступила ночь, я оставил мальчишку, но откуда у меня джип, раз я приехал на поезде или пришел пешком, я был слишком молод, зачем мне на мессе джип, я же не умею водить, я сел на велосипед кюре

и когда тип ответил нам, который час, было, конечно, слишком рано, эти сволочи на дорогах, что я знаю о них я не спросил, как его зовут, да он и не сказал, перед уходом он всучил мне сигареты, нарочно не придумаешь, мальчишка бы мне их не дал, я ничего ему не давал, я видел его игру насквозь, я понял, что он меня не хочет, ему хотелось поужинать, мало того, что в тепле, да еще и помешал людям чай пить, маленький сумасброд, нужно будет позвонить в полицию, явное правонарушение, пришел ко мне домой весь в грязи, избил меня, я бы мог его изнасиловать, но эта злючка в обиду себя не даст, больше всего меня прельстили его голодный вид и ямочки на заднице, я выставил его за дверь и видел, как старик уснул в кресле, в глубине души я обрадовался, но резко двинул ему коленом в живот, минут через пять он подрочил, это невозможно, бил либо он, либо лесник, но почему двое? я ушел один, податься некуда, даже если я ушел, кто меня заставил, и кто заставил вернуться, и почему? кем был я сам? и кто это вообще утверждал?

Не смешите меня. Я священник и хорошо знаю, что такое большая услуга. Октябрьским вечером я действительно впустил подростка, покинувшего отчий дом. Ничего удивительного – обычное дело для нашего сословия. Я успокоил его, исповедал, а затем вернул бросившимся на поиски родителям.

Без сомнения. Тщеславие мне претит, да и не настолько злое у меня сердце, чтобы выдумывать банальные благодеяния. К тому же, повторяю, каждый божий день приходится возвращать сбегавших молочных ягнят в овчарню. В высшей степени евангельский поступок: ведь если этим заранее не озаботиться, откуда возьмется пасхальный бараний окорок?

42 Но кем был ребенок, что он сделал, кого повстречал, откуда пришел, какого был возраста, пола, кто его у себя принял, накормил, вернул в семью – все это я запомнил, хотя он мне, разумеется, рассказал. К чему придавать значение столь ничтожным мелочам? Поговорим лучше о другом. Например, о моей старенькой мамаше; ведь она в весьма преклонном возрасте, почти немощная, и, несмотря на все свое усердие, для меня она, скорее, обуза, нежели опора: поэтому очень хотелось бы получить в распоряжение молодую особу почище да покрепче, которая

Ш

Лучше забыть те улицы, где я был невидимым, и улицы, что отшатывались, разгадывали меня, когда я шел навстречу. Их приземленный страх был мне чужд: страх ребенка в темноте. Я стыдился заселять этот мрак.

43

Скромный гостиничный номер и матрос лет восемнадцати. Его берет – на стуле, ботинки – у кровати, одежда разбросана. Он даже снял носки. Это меня удивило, ведь он спешил, а в таких случаях раздеваются по минимуму.

Просто он восхищался своими ступнями и умел их ублажить. Он шевелил пальцами, забрасывал одну ступню на другую и, кончая, судорожно сжимал, сцеплял пальцы рук, жал, выворачивал, давил.

Без него мне бы не нравилось той зимой в гостинице. Я забредал туда мимоходом и сидел один в номере.

Он бежал по перрону. Поезд тронулся. Он запрыгнул на подножку, уцепился за поручень и энергичным рывком подтянулся на площадку.

Он двинулся по коридору, сотрясаемому глухими ударами. Вошел в пустое купе.

Прошло время. Наверное, много часов. Ведь уже наступил вечер. Поезд остановился. Вокзал. Он сходит, стоит на мостовой незнакомого горо-

да, спиной к вокзалу. Смотрит на расходящиеся звездой улицы и окрестные гостиницы. Направляется к одной из них.

Он ест. Торопливый ужин. Его угнетают косые взоры окружающих. Он стесняется. Ему пятнадцать, и он никогда не ужинал в гостинице – как злоумышленник, как взрослый.

44 На свои годы он не выглядит. Ему дают от тринадцати до семнадцати. Ему хочется расслабиться, расправить плечи, расхотаться им в лицо. Он сдерживает себя. Опускает глаза, сжимает кулаки.

Он доел и молча уходит. Словно из зала суда.

Совсем невзрачный номер. Какое счастье здесь находиться.

Пятнадцать лет. Оттого ему не сидится на месте. Все равно эта кровать лучше вокзальных скамеек. Но ради такого удобства необходимо набраться смелости и вторгнуться на вражескую территорию.

В номере жарко; он открывает окно, отдергивает штору. Раздевается. Он пытается поцеловать себя в зеркале. Не выходит. Как ни лови, ничего не поймать. К тому же это его собственное лицо. Желать самого себя – сложная и противная игра, если сам себе не нравишься. Губы оставляют на стекле жирный и влажный след. Теперь ему холодно.

Около шести вечера, конец прекрасного зимнего дня, после грозы, которую поезд наконец миновал. На западе, в полях над горизонтом – длинная и светлая оранжево-розовая полоса; вверху первая гряда сине-фиолетовых туч; вновь пара сиреневых борозд и золотистые полосы. Высоко в небе фиолетовые тучи коричневеют. В них бледно-голубые разрывы. Наконец, все становится свинцовым, фиолетовый и синий сменяются серым.

Этот серый скоро поглотит все прочие цвета. Через пять минут останутся лишь черные тучи.

Внизу над землей небо цвета мочи и горячей серы, горизонтальная полоска все уже и гноится.

В вагоне включили свет. У меня в кармане билет до конечной, но сойду я раньше.

Передо мной сидел грустный, худой паренек с почти бесцветными волосами. Он ушел.

Я должен оправдать этого матроса, которого только что сам придумал. Это немного меня смущает, ведь я признался в любви к идеальному пидору, столь же своеобразному, но совсем другому: к вокзальному пареньку или его двойникам. Белокурые дети с голубыми глазами. Кожа у них белая или даже золотистая, что еще роскошнее. Им тринадцать-пятнадцать лет – в этом возрасте попки маленькие, а пиписька уже большая. Конечно, у них ломается голос; но предположим, что ломается красиво. Конечно, они моются, у них нет прыщей, и они не носят очки. Их лица так просты и миловидны, что я не в силах точно их описать. Но я знаю, что каждый из вас, читающие меня педерасты, любил хотя бы одного из них. Поройтесь в своих воспоминаниях, фотографиях, поищите среди своих романтных персонажей красивого паренька, из-за которого у вас вставал или хотелось плакать. Видите его? Отыщите своего блондинчика: у кого их только не было...

Он был еще ребенком с неосмысленным лицом, живым и подвижным, как у младенцев. Взгляните на его губы, которые вы кусали бы так же умело, как заглатывающая куриные яйца лисица. Стисните его тело в объятьях, оно упругое и натянутое, полное сил, вызывающих у вас стон; сладострастно вкусите его девственной плоти и мысленно

украстье ее самой прелестной пиписькой, какую вам хотелось бы ласкать языком или пальцами.

Впрочем, забудьте. Ведь эти пошлости нарушают общественный порядок, это сюсюканье преступно, эти любезности приведут вас на скамью подсудимых – а главное, не хочется посвящать им целую главу.

46   Лучше уж заниматься любовью кулаком, с партнерами по матрасными пружинам, электрическим проводам, автомобильным запчастям, черепице, бетону, такелажу, доскам, стали, осколкам: вот они, грохочущие и твердые, жесткие на вид, готовые навязать вам новую мораль, достойные того, чтобы с чистым сердцем похоронить постную галантную любовь.

Но, возможно, тут есть еще одна загвоздка. Приятели, которых мы не покупаем и не держим в рабстве, не являемся ни их хозяевами, ни жертвами или, скорее, являемся тем и другим по настроению, изменчивое равновесие сил и желаний. Эти колебания порождают автономию, о коей мы доселе не подозревали. Необходимо восстановить добрую половину самого себя, позабытую половину, стать водяным и при этом воздушным существом, амфибией, как например, летучие рыбы, черепахи, сирены и гиппопотамы. А затем вступить в борьбу с этой свободой.

Матрос говорил очень мало и складно, я же был кругом неуверен. Он сразу все понял: мой взгляд был выразительнее слов – и опля, он уже на крючке. Я стеснялся, ведь он обходился со мной, как с блатным: мне и самому хотелось им быть, но этот неумышленный обман парализовал мою волю.

Пара мокрых, безлюдных, едва освещенных переулков. Двадцать четвертое декабря, люди воз-

вращаются домой рано или бегают по фешенебельным улицам. Закрытые ставни исполосованы желтым светом.

Гостиница была укромная, хоть глаз выколи, наконец добрались до номера. Я нервничал, но повиновался, чтобы не показаться слабоумным. Матрос не спешил, я ему приглянулся, и он остался на всю ночь. Потом спустя много времени я проснулся рядом с ним и наконец понял, что мы потрахались.

47

Поезд катился по зимней местности, высохшей и утыканной колышками – ни тебе тени, ни укрытия. Небо отяжелело от снега. Ветер плевался ледышками.

Я разглядывал пассажиров. Головы сближались, раздвигались, качались, щелкали, раскрывали рты; из них доносился кашель, чмоканье, выпадали красноватые осколки на носовые платки.

Никаких мыслей. Ты, словно смертник, мчишься из одного места в другое, выгадываешь время, чтобы казалось, будто куда-то едешь. Не живешь, а перемещаешься, вернее, тебя перемещают.

Меняя поезда и вокзалы, устремляясь навстречу тому, чего уже давно нет, что, возможно, будет позже в другом месте или находилось здесь минутой назад, или чего не существует вообще, ты перестаешь что-либо замечать или забываешь о том, чего хотел, если не считать поезда, а за ним следующего, коротаешь жизнь в коридоре.

Ведь все поезда похожи друг на друга; это пустынные улицы, кладбища, ветхие кельи, где свистит ветер.

За окном вагона ничто не задерживается, никто не окликает. Внутри на полках – буйство поношенной одежды и вощенной обивки, кошмар достохвальных лиц. Я встаю. Поезд замедляет

ход. Мы проезжаем предместья. Я стою в тамбуре лицом к уборной. Люди входят в здание вокзала. Я смотрю в окно двери. Открываю ее. Сквозняком меня отбрасывает назад. Я крепко упираюсь ногами в пол и продвигаюсь дальше. Ветер хлещет по лицу. Я прыгаю.

48 Ему казалось, будто он бредет по городу уже очень давно. Он понял, что скоро наступит ночь, лишь по собственной усталости, по тому изнурению, что сгибало спины людей. Он продолжил путь.

Его окружали двери, лестницы, разнокалиберные улочки, горловины и овраги, готовые его сцапать. Он смотрел на свое тело как бы со стороны. Отчужденный, словно вор на стреме, он ждал ночного потрясения, воплей, погони, выстрелов, которые объяснили бы этот страх.

Он побежал по улочке. Воздух был такой холодный, что на верхушках легких застыли два ледяных конуса. Тем не менее, он вспотел и слегка замедлил шаг.

Стояла глухая ночь. Гостиница рядом с вокзалом еще была освещена. Он вошел.

Открыл окно в номере; холод почти не проникал внутрь. В свете уличных фонарей пошел снег – серая, приятная картина.

Номер маленький и неказистый, но он бы охотно здесь остался. На паркете таял задуваемый легким ветром снег.

Он вскрывает тюбик, нет, два тюбика, купленных в другом городе днем. Раскладывает таблетки на полке умывальника и пересчитывает. Шестьдесят две. Может не хватить. Но красная полоска на тюбиках его успокаивает, а указание максимально допустимой дозы приводит в восторг. Он проглатывает все, запивая водой из-под крана.

Стакан, два, пять стаканов воды с металлическим привкусом.

Он ложится, раздевшись, но не полностью: стесняется, что его найдут голым.

Шатается кровать – точнее, пол. Его тошнит, кровать ловко сбрасывает его, а затем, опрокинувшись, ловит метром ниже. Желудок выворачивает наизнанку. Он блюет?

В общем, найду матроса, и это растянется на всю ночь. Он уснет, мне понравится спать в его объятиях, но мы будем заниматься любовью до зари. Руки – вот чего не хватает подушкам. Это совсем другое дело.

49

Пусть начинает первым, раз уж мне всего пятнадцать. Он наверняка назовет меня своим рождественским подарком, о таком пишут в книгах, и мне страшно хочется это слышать. Почему я не могу понравиться матросу? Если ему и впрямь охота потрахаться, я понравлюсь ему в любом случае, ведь в такие дни руки сами без колебаний тянутся к чему-нибудь свеженькому. Эти удивительные руки так ласковы, я глажу волосы на них, смуглую кожу, мне хочется бездельничать, лежать с ним, прижавшись животами и губами, и даже ничем таким не заниматься, а лишь дремать, словно щенок в корзинке, гляньте на почтовый календарь, кто сверху – он или я?

Я познакомлюсь с ним запросто: один взгляд на выходе из вокзала, мы подходим друг к другу, обмениваемся парой слов и отправляемся в известную ему гостиницу (матросам известны гостиницы). Мы шли под ручку, как настоящие пидоры, и я этим гордился.

В общем, я положу руку ему на талию, обовью поясицу, а он обнимет меня за спину и сожмет

мой бок – левый, если будет идти справа от меня, или правый, если слева. И, словно киношные молодожены, мы войдем в роскошный отель и предадимся любви.

Едва заметная вывеска на одной из этих разбитых, плохо освещенных улиц, где гоняются за шлюхами. Вот и дверь номера. Он открывает ее и выпускает меня. Но сам не заходит. Запирает дверь на ключ и с хохотом удаляется.

50

Всякий раз одно и то же. Тело, лицо, я шел следом, потом бросал. У меня разболелись голова и поясница. Когда тебе не дают, ты грустишь. Об этом унынии не рассказывают; оно мучительно отзывается в полостях больного тела, вздрагивающего при каждом резком щипке, потому что это приятно и низменно. Не ахти как приятно, но уже хоть что-то.

В такие мгновения ты играешь с одиночеством, стыдом, бунтом, смертельной опасностью. Все по-своему усиливает боль, которую ты себе причиняешь, даже ложь.

Впредь одного этого удовольствия мне было мало. И если обстоятельства мешали от него отказаться, я мог хотя бы достичь в нем чрезмерности. Возникла потребность собирать кучи вещей, толпы людей и тормозить их с той серьезностью, с какой дети пересчитывают бобы. Но я избавлюсь от этой потребности, от этой серьезности – в надежде, что меня уволочут и раздавят руины, в которые превращаются сами основы жизни, когда человек перестает им потакать.

Я изрядно прочу смерть, ведь у меня ничего не останется для нее; я уступлю ей сущую малость, что хрустнет у нее на зубах, надолго не задерживаясь. Сколько бы я еще ни прожил, у меня хва-

тит ума, чтобы ничего больше не сохранять; мои карманы будут пусты – ни свистка, ни трубки, ни силка для зайчат.

Рассеяться. Лишь горстка пыли, которую можно сдуть. Моя гордыня обратится в эту пыль и одновременно в это дуновение.

Матрос посмотрел на меня. Я был в трусах.

– Ты девственник.

То было утверждение. Я сказал «нет», но он попал в самую точку. Развлечения, которыми я перебивался, трудно назвать сексом. Однако мое тело уже стало искушенным, рассталось со всякой наивностью. Но я, конечно, стеснялся – этого номера, кровати, парня, что был сильнее меня, и ночной поры. Все это я никогда не связывал с удовольствием.

51

Он проснулся от толчка в животе. Это повернулась каша из таблеток. Он вскочил, согнулся в три погибели, и его вырвало. Все, что он съел, вышло в виде желтоватой массы, потом – нескончаемые желчные струи.

Громко пыхтя, он наклонился над блевотиной, судорожно вцепился в простыни и стоял неподвижно, как истукан, но не чувствовал облегчения. Затем откинулся назад и отдышался, веки намокли от пота. Смерти нет, ее не вызвать по собственному желанию; нужно ее преследовать, делать авансы, которые она отвергает, проявлять упорство. Он включил свет и попробовал встать, чтобы привести в порядок постель и умыться. Но, едва поднявшись на ноги, снова упал на колени. Он ухватился за простыни. Те выскользнули из рук, липкие от рвоты.

Его опять вырвало горькой жидкостью,

журчавшей на коврике перед кроватью. Потом напал понос, он дрисстал в биде длинными бурыми струями.

Он выпил немного воды, помочился, втянул в нос соленые сопли. В костях кололо и ломило. Он полностью разделся, сорвал с кровати постель и швырнул на пол. Вытащил чистое одеяло и закутался.

52 В воздухе витало странное ощущение дружбы. Я ничего не понимал, и мне это не нравилось. Доброта матроса слегка смущала. Раньше мне приходилось навязывать свои привычки партнерам, которые, не желая меня, все же подчинялись, и теперь я был не готов к такому повороту: меня имел тот, кого хотел поиметь я, наши желания совпали.

Под утро он проснулся в горячке, в ногах слабость, тело истощено. Он спустился в кафе и заставил себя позавтракать. Но после первых же глотков пришлось пойти в туалет и проблеваться.

Сквозь головокружение он увидел за спиной – нет, перед собой – вокзал. Билет на ближайший поезд, неважно куда, и побыстрее.

Возможно, последний шанс. Там была куча народу, пришлось осмотреть все вагоны, чтобы выяснить, если вдруг...

Погода ясная. Сидя один в купе, я ждал, пока станет лучше. Вошел тип в брюках и пуловере. Высокий, за тридцать. Уселся и развернул газету. Когда начитался, протянул ноги, простелив газету на другом конце полки и положив туда ступни. Он скрестил руки и закрыл глаза; брюки облегли хуй.

Поезд остановился. Тип приподнялся, заворчал

и сел, уставился на меня и наконец улыбнулся. Возможно, он собирался заговорить. Поднял свою газету, закинул ее под полку и удобно устроился напротив меня. Он не сводил с меня глаз. Самовольный взгляд, лучащийся превосходством, выдающий глупость: я встал и вышел из купе.

Я стоял в коридоре. Показался парень в темно-синей форме, разминавший ноги. Ни дать ни взять матрос, безусый призывник с бритым черепом. Походив взад-вперед, он прислонился к окну рядом со мной.

53

Сунув руки в карманы, матрос присматривался ко мне. Я чуть приблизился, любуюсь пейзажем. Он позволил коснуться себя локтем, хоть и отвернулся.

Эта игра меня раздражала. Я приблизился еще больше. Он тотчас убежал и, проходя мимо, даже оттолкнул меня. Я видел, как он вошел в купе. Я решил последовать за ним, но все места были заняты.

Мне захотелось пойти за ним, потому что, отталкивая, он дернул меня за ширинку.

Поезд замедлил ход и остановился. Мы были неизвестно где. Дождливый день. Ливень, хоть разденься и бегай голым: не холодный, не липкий. Водное раздолье.

Пойти в город, в центр? Нет уж. Бродить по улочкам, мостам, заброшенным улицам, очутиться за городом. Шоссе с большими грузовиками. Заводы и дома для тех, кто там работает. Люди выходят из заводских ворот – пора домой. Со свистом проносятся поезда.

Часа через два или минут через пять – тем временем наступила ночь – мне стало одиноко, и я повернул в сторону вокзала, куда вскоре и добрался.

Матрос толкнул дверь пустого зала ожидания. На нагрудном кармане металлический значок; на правом рукаве два красных скрещенных якоря. Из темно-синей фуфайки с округлым вырезом, выглядывавшей из-под гимнастерки, торчала широкая и гладкая шея.

Он сел поодаль, чтобы поспать.

54 От скрипа двери он открыл глаза. Заметил вошедшего мальчика и с огромным удивлением узнал его.

Мальчик в промокшем плаще постоял секунду у двери, окинул взглядом зал ожидания, просмоленный пол, грязные люстры, покрытые жирной пылью и дохлыми мухами. Он сделал шаг влево, вправо, а затем, после минутного колебания, направился к лавке матроса – единственной занятой в зале.

Паренек сел и достал сигарету. Матрос тотчас предложил спички. Мальчик глухо поблагодарил. Матрос улыбнулся, зевая.

Закурив и пробормотав «спасибо», парнишка насупился. Конечно, тот, другой, слегка задел его в поезде, но ничего не произошло, придется начинать сначала.

Матрос рухнул на скамью. Взгляд паренька изучал его тело, задержался на брюках, вернулся к лицу, устремился к выемке, ввинтился между ляжками.

Матрос улыбнулся шире. Его глаза сощурились.

Он засунул руку в карман и стал медленно двигать ею туда-сюда под ширинкой.

Затем убрал руку, и материя так сильно натянулась, что ребенка бросило в краску.

В зале никого больше не было: матрос бесцеремонно обнял мальчика за талию. Напряженное тело, обвитое его рукой, возбуждилось еще сильнее.

Он сказал:

– Успеем подняться в номер или пойдем туда?

Он показал на туалет.

– Успеем.

– Заплатить есть чем?

– Да.

Они вышли из здания вокзала. Матрос равнодушно спросил:

– Ты даешь?

– Чего?... Как хочешь.

– Что-то во рту пересохло, давай выпьем.

Матрос кашлянул. Они зашли в кафе. Сидя перед пыльными кружками, рассматривали друг друга.

Матрос заплатил за пиво, поправил бескозырку и разгладил рубаху. Они пересекли площадь. Он знал дорогу. Я шагал рядом без лишних вопросов. Он постоянно улыбался с отсутствующим видом и шел быстрым шагом.

Матрос разговаривал. Возможно. Нет, он молчал. Во всяком случае, разделся и оставил меня в чем мать родила. Любовников нужно раздевать, зажав бритву между пальцами: бесценная ласка, после которой всегда что-то остается. У него лезвия не было, так что, по-моему, ко мне он даже не приоткнулся.

Он не разделся. А меня оставил в чем мать родила. Потом забрал бабки и смылся. Скорее, так. Что у меня еще оставалось? Часы. Нет, их он оставил, для моего рассказа важно знать точное время. Он не взял денег, и это нормально. Он вел меня

под руку, но как измерить, сколько стоит четверть часа объятий меж двумя парнями? Цена исключительна, неисчислима. У меня не хватило бы денег заплатить за продолжение.

Потом в поезде мне хотелось одного: лечь и выспаться. Загородная прогулка меня утомила. Я, конечно, уснул. Даже не знаю, кто бы мог помешать. В этом возрасте сон крепок.

56 Матрос спросил, почему я кочую. Он не представлял опасности, и я сказал правду.

– И куда едешь?

– Не знаю, посмотрим.

– Все равно придется когда-нибудь вернуться – тебя же хватятся родители. Ну, или найти укрытие.

– Не знаю.

– Ну, дело твое... А вот и гостиница.

Долго просидев в поезде, матрос взопрел. Волосы на теле увлажнились, став теплыми и душистыми.

Наверное, его часто трахали: я мигом проник между ягодицами. Такие нежные внутренности – словно бальзам на рану. Я опасался грубоватого соприкосновения, утомительных удовольствий. Но мускулистые стенки обмякли. Подо мной распласталась плоть – так бы и укусил; затылок под самым носом, и я запустил в него клыки. Стиснул челюсти, равнодушный к его боли, поражаясь, что он не сопротивляется. Он согласился (или потребовал?), чтобы я выеб его первым: это показалось уступкой, я не понимал, почему он позволяет мне делать все это руками и зубами.

Раз уж он стал моим гамаком и я в нем удобно устроился, я мог раскачивать его сильнее, не

церемонясь. Он медленно дышал в такт, отчего у меня скребло в ушах. Так завывают львы в клетках, вспоминая пустыню.

Зубы у него были белые, словно вылизанная собаками кость, а тело – особенное: властное, узловатое, тяжелое и нежное, в нем можно заблудиться. Я неустанно обшаривал его снова и снова. Но из робости не решался шептать древние непристойности, выражающие наслаждение. Он был так же нем, как и я, что вселяло еще больше смелости.

57

Я представить себе мог, как напрягутся его мышцы, когда он будет трахать меня. То были свободные и долгие движения, совершаемые бесхитростно, с равномерной силой. Малыш, которого грубо ебли в жопу, не смел даже подумать о боли. Она была невыносима, но значила для него так много, что он не мог от нее отказаться; с каждым толчком хуя ощущал он ее необходимость и пользу.

В гордости ли дело, в сдержанности или в опыте, но паренек подавлял стоны, изо всех сил прижимаясь к матросу.

Я провел пальцами по рельефным мышцам под кожей живота. Они сократились: матрос встал. Он надел носки и сказал:

- У меня поезд.
- Это обязательно?
- Черт.

Встряхнув синий тельник, он натянул его, а затем оделся.

- Тебе некогда?
- Возможно.
- Неохота?
- Не в том дело.

- Останься до завтра.
- Не могу, если только...
- Если что?

Подумав, он заговорил обиняками. Я тоже задумался, прежде чем ответить:

- Мне очень хочется.

Он секунду посмотрел на меня и снова разделся.

58 Что-то я совсем забыл про другого мальчика, вашего блондинчика. Беда в том, что он слишком ранний. Краткий эпизод, запаситесь терпением. Я бы ограничился утесами из предшествующей главы.

Парнишка гулял со мной по лесу, летним днем, там был ручей, горизонтальные плиты рыжеватого камня, где мы сделали привал. Уползающая змея. Ваш герой взял с собой детектив. Он почти не говорил, огорченный тем, что он со мной, с вами – вы ему надоели.

Раздевшись до пояса, он лежит ничком на камне и читает. Мы с вами смотрим на его послушный профиль, смягченный тенью лба. Палец правой руки тянется к левому предплечью и машинально его гладит. Эти ласки завораживают: блондинчик при нас занимается любовью с самим собой.

Закрыв глаза, мы ложимся рядом, чтобы погреть спину о скалу; будто во сне, раскидываем руки и слегка задеваем его шелковистые бока. Частичка тепла обжигает нам кончики пальцев.

Он осторожно отодвигается от нас на локтях. А мы снова придвигаемся, пытаясь украсть еще пару крох его плоти.

В раздражении он говорит какие-то грубости насчет пидоров, встает и уходит.

Не вовремя мы им заинтересовались, я же вас предупреждал.

Не та голова. Как зовут матроса?

– Как тебя зовут?

Теперь мне охота смеяться. Он серьезен и не удивлен, его заколебал этот пацан, я его нервную. Матрос звенел, как барабан, когда я сидел сверху и колотил его кулаком по спине, заставляя рысать, гарцевать. Тогда-то мне и захотелось поговорить.

Он сказал:

– Идем. Ты всегда такой решительный?

– Ага, только...

– Что?

– Как тебя звать?

– Зачем тебе? Ты же спишь со мной, а не с моим именем.

– Согласен, но...

– Все, хватит. Поищи-ка мой ремень.

Его ремень. Такой красивый.

– Ляг на спину.

– Здесь?

– Там, где плитка.

Я повиновался.

– Теперь не сопротивляйся, а то морду набью.

Он показал ремень. Затем, встав надо мной и упершись ногами по обе стороны, взял в руку член, залупил кожу и начал ссать. Едва я отпрянул, он больно стегнул меня ремнем по щеке. Второй удар пришелся по плечу, когда я пытался встать. Посыпались новые беспорядочные удары, после чего он придавил меня к полу.

Он лег сверху. Купался в своей моче, облизывал мне шею, уши, брови, размазывал собственное ссанье и подбирал языком с волос у меня на теле. Мы валялись в холодной луже. Затем он угомонился и ослабил хватку. Я вытер губы и сказал:

– Ты что, спятил?

Он не ответил.

– Ладно, мне пора.

Я подошел к умывальнику, открыл холодную воду и ополоснулся.

– Тебе противно, и все?

– Ты не говорил, что будешь бить.

В принципе я не против, но, по-моему, это уже перебор. Впрочем, первый раз всегда неприятно.

60 У матроса опять раздулся до огромных размеров, и он сказал:

– Иди сюда, я тебя трахну.

Он набросился, будто зверюга. Мне было так больно, что я кусал и рвал подушку, но даже не пикнул, слова не сказал, а он засовывал все глубже, хватал меня, как принимающий в бейсболе, наверное, думал, что мне приятно, и не понимал, что мне просто больно, и все.

– Ну как, понравилось? Любишь толстые хуи?

Он схватил меня за волосы, приподнял мой подбородок, внимательно посмотрел на меня и прыснул со смеху.

– Какой ты страшненький, когда нюнишь.

Он засунул палец мне в жопу.

– Ах ты врунишка, даже кровь пошла.

Он улегся в своем углу, отвернулся и выключил свет.

– Спокойной ночи, малолеток.

Он больше не шевелился. Память у меня короткая: член снова встал – я так люблю, когда этот горячий, красивый кусок мяса прижимается к животу. Больше нельзя до него дотрагиваться, но хотя бы потрусь хуем, почти одно и то же. Матрос заворчал:

– Отвали. Подрочи, если невтерпеж.

Придется обождать, пока не заснет. Невмоготу. Ну и хрен с ним. Пусть говорит, что угодно. Я резко засунул ему. Он отодвинулся, стукнул меня, и я вышел, моя сперма осталась на его волосне, хоть я сдерживался, ну и хрен с ней.

Он повернулся, покрыл меня, укусил, нащупал очко, перевернул меня вверх тормашками и вошел. Теперь мне уже не будет больно.

Он – на боковую. Я натянул на нас одеяло. Ему что-то пришло в голову, он на секунду очнулся и вполголоса промямлил в темноту, в пустоту, словно алкоголик-одиночка:

– Знаешь, а ты мне нравишься.

И заснул окончательно.

Он спал. Я мог дотянуться рукой до его задницы или члена, вялого, но вздутого. У него на животе росли треугольником волосы, очень мягкие на ощупь: я знал, что они черные и блестящие. Толстая кожа облегла туго сплетенные мышцы.

Ягодицы слегка шероховаты. В начале ложбинки чувствуется кость; спускаясь, погружаешься в плоть; волосы становятся густыми и влажными. Глубоко засовывая руку, в самом низу нащупываю упругое, складчатое, припухшее отверстие; дальше между ляжками короткий пучок жестких волос; а еще дальше – шагреневые яички.

Это обследование меня возбудило. Продолжи я его, пришлось бы полностью перевернуть матроса на живот.

Он не проснулся. Наконец-то меня ничего не сдерживало. Темнота, его спящее тело, моя легкая оторопь – все казалось сном наяву. Я мог предаться разврату и, несмотря на свой возраст, распоря-

жаться этим большим телом без ведома самого матроса.

62 Я свернулся калачиком в ногах, под простынями. Широкою тыльную сторону ляжек было приятно гладить; мне захотелось изучить форму его ног, их силуэт, тяжелые кости; я весь обратился в осязание, водил рукой по отлогостям, спускам, изгибам, углубляясь, где плоть становилась мягче, огибая округлости, где она была слишком твердой. Мои губы проделали тот же путь на другой ноге, начиная с подколенной впадины; кожа губ получала новые впечатления, и выстроенный пальцами образ довершался во всех деталях. Затем я высунул язык, вдохнул запахи и расцветил набросок красками. Достаточно обнять ляжку и прижаться грудью к остальной части ноги, чтобы прибавить ей объема. Куда вела эта дорога, где остановиться? От поясницы к затылку спину разделяет длинный желобок, его можно проследить от самой промежности: простой маршрут, непрерывность которого сулит нескончаемые удовольствия.

Одна сторона его тела оставалась для меня недоступной; иначе нашлись бы иные пути, чтобы после всевозможных привалов, встреч, укусов, в конце медленного путешествия по этому дворцу из человеческой плоти, добраться до волосатого отверстия, которым я теперь наслаждался.

IV

Подмастерье или подручный лет пятнадцатилшестнадцатил, у здания под снос.

Закончив работу, он вышел со стройплощадки. Коротковатая, обтрепанная по краям куртка. Роста невысокого. Плечи крепкие. Руки покраснели от холода. Пояс тугих джинсов при каждом шаге врезается в низ живота.

Схожу на вокзал. Увижу его; думаю, он согласится, и я отправлюсь вслед за ним.

Если ехать куда глаза глядят, я сумею обрести свободу поступков и желаний, которой в действительности не обладаю. Ведь то был не настоящий разрыв, перемена обстановки не дала мне никаких дополнительных шансов; где бы ты ни был, приходится вести ту же самую жизнь. Мальчик меня волнует, но я вполне могу сесть на поезд и выйти в каком-нибудь незнакомом городе, где произойдет то же, что и здесь.

Я подвалю к нему, и мы выйдем вдвоем на пустырь.

Наступит та молчаливая минута, когда его разопрет от удовольствия, и он мысленно мяукнет, словно кошка, которую дергают за хвост. Я хочу погрузиться в него целиком. Он сожмет анус, но не для того, чтобы удержать мой хуй или испытать оргазм, а чтобы оттолкнуть меня, потому что ему это не нравится.

Он уйдет испачканный, слегка возбужденный, остолбеневший, весь трясущийся от новых впечатлений. Отойдет на пару шагов, отряхнет с одежды строительную пыль, проведет по пушистым волосам большой черно-красной ладонью, а затем скроется за углом. Я не увижу его больше никогда.

64 Пешеходная дорожка. Красный свет. Фруктовый лоток. Крытый рынок, мокрый и запертый. Машины. Прохожие. Мальчик заметил чувака, тот его клеит, уже щупает бедра, целует в шею, хватается под мышки и громко дышит в уши.

Его лицо посуровело. Глаза стали крошечными и злыми. Походка – резкая, неуверенная, встревоженная. Он вошел в скобяную лавку. Дверь сильно хлопнула. Я ждал. Он вышел и глянул: да, я все еще здесь. Он ничего не купил.

Он перешел дорогу за секунду до того, как загорелся красный. Когда я подбежал, было уже слишком поздно. Я старался не упускать его из виду. Он ускользнул от меня на перекрестке. Я должен был это предвидеть. Я прошмыгнул между машинами.

Я побежал. На улице, спускавшейся к трущобам, заметил силуэт, который едва уловимо и неуклюже махнул рукой. Это был он.

Хоть я простелил под ним плащ, в его лохмах застряли остья сухой травы, которых он не видел. Я убирал их, а он затаился, лукаво щурясь. Набежали тучи. Казалось, машины где-то далеко. Мне захотелось продолжить.

Я сказал ему об этом. Он задумался, спросил, который час, и отказался. Я попытался завести его хитростью, настойчиво работая рукой.

Он оттолкнул мою руку и сказал, что ему некогда. Он замерз. За изгородями и металлоломом

зажглись фонари. Мы стояли друг против друга.

Я шагнул к нему, и мы вместе повалились на землю. Он высвободился, выпрямился, пригрозил кулаком и прикрикнул. Я потянул его назад, он плюхнулся на мой живот. Я схватил его хуй: тот стоял.

Теперь он уперся коленями в мои плечи. Вцепился мне в шею и притянул мою голову к своей промежности. От его члена пахло. Я стал сохнуть. Мы лежали на щебне, строительном мусоре, гвоздях и консервных банках.

Я сплюнул вбок. Он расправил носовой платок, протер залупу и удрал. Он сильно опаздывал, дома ему сделают втык, теперь уж точно несдобровать.

Главное – найти дорогу обратно к вокзалу. Придется спрашивать прохожих, если кто встретится на пути. Или можно заночевать здесь. Сгодится первая попавшаяся гостиница.

На берегу реки четыре паренька, притащивших с собой маленького брата, что ползал на четвереньках в кустах.

Они стояли, обхватив себя руками от холода, в одних плавках. Изредка чесали себе подошвы, выдергивали волоски на икрах или засовывали руку в плавки, чтобы приподнять пипиську, и деловито выпячивали живот. Один, самый взрослый, руку так и не убрал. Он окунул ступню в воду и вернулся, скривившись: холодная.

Подошли остальные. Один приспустил спереди плавки и заглянул туда. Ему не было и десяти. Все наклонились и тоже посмотрели. Самый взрослый потрогал.

Падение в траву. Потасовка.

Малыш теперь совсем голый. По течению плыла нейлоновая красно-желтая кувшинка. Он решил ее выловить.

Все побежали за ним. Крики. Паренька поймали и прижали к земле. Нравоучения. Пацан попытался вырваться. Они веселились. Удерживали парнишку ничком, раздвинув ему руки и ноги. Взрослый шлепнул его по попке и лег сверху. Смех прекратился – слышался лишь непрерывный, пронзительный визг.

66 Малыш умолк. Взрослый энергично ебал его в попку. Встав, стыдливо спрятал член и привел себя в порядок.

Схватил руку и ногу паренька, заняв место другого, что подполз на коленях и пристроился к малышу.

Он вставил хуй и задвигался. Казалось, он дерется в общей спальне с подушкой-змеей, подминая ее под себя и одолевая с большим трудом.

Затем его примеру последовал третий. Парнишку больше не удерживали: уткнувшись носом в траву, он огрызался.

Потом они пошли купаться. Пятый, совсем кроха, хладнокровно наблюдавший за этой сценой, теперь кусал горбушку, отвернувшись от реки. Двое неподвижно стояли посреди течения, по пояс в воде. Другие на них брызгали.

Тут что-то вроде киоска: продают авторучки, бутерброды с паштетом, сладости, спортивные журналы. Хорошее освещение.

Вокзал? В двух шагах. Входящие и выходящие останавливаются перед киоском.

Все верно. Я уже проходил там около трех, было светло, и потому не узнал это место при свете фонарей.

Я гулял по внешним бульварам. Меня манили ближние поля, где светило солнце.

Представляете себе купание 24 декабря?

Разумеется, нет. Но малыши купались.

К тому же всем известно, что на окраинах больших городов расположены пригороды с брезентовыми, жестяными либо дощатыми лачугами; и обитающие там ребятишки обычно резвятся на речному берегу. Значит, я действительно подошел, предложил сигареты, мальчишки не испугались, и я этим воспользовался. Затем вернулся в город, встретил своего ровесника, мы трахались на пустыре, пока не стемнело, я выбрал гостиницу, поел паштета, запил таблетки пятью стаканами воды, заснул, проблевался.

67

Или, наоборот, меня снял матрос и т.д. Не знаю, что было на следующий день. Лучше не выбирать. В конце концов я расскажу правду, необязательно в последней инстанции, а лишь то, что сам предпочитаю считать истинным.

Мне не дает покоя здание под снос, я убежден, что оно в Париже.

Впрочем, его не сносили, и я не видел, как оттуда выходил пятнадцатилетний подручный. Туда вошла блядь вместе с

Ее клиентом был блондинчик, которого я пытался изнасиловать в пустом вагоне, в день забастовки.

Он прождал два часа – простительное опоздание, информацию слили дружки, с деньгами в кармане он вышел из вокзала и стал искать шлюху, уверенный, что бляди вкалывают в поте лица во время забастовок, особенно мамыши, поправляющие на панели бюджет.

Но здание сносили. В памяти все так перепуталось, что я сомневаюсь; на время отсеку подручного, он должен будет как-нибудь со всем этим увязаться.

Итак, я заметил блондинчика с девкой и расви-
репел: он отказался заняться любовью со мной,
но подкатил к этой толстенной бляди. Хотя это в
порядке вещей. Говнюки обнимаются, лащаются,
согревают друг дружку, ему нравится, что эта ша-
лава, эта дурья башка, которую он закадрил, впи-
вается ногтями ему в плечо.

68

Перед зданием несколько башенных кранов. Са-
мый большой, ярко-желтый, медленно поворачи-
вается. На тросах держатся невидимые предметы.
Похоже на бесшумную, бесполезную скульптуру,
желтый металлический мост, плывущий по небу.
Но все это для сбора мусора – превращенных в
груды мусора старых зданий.

Начинается снос. Ломают сверху крышу и по-
следний этаж, с комнатами прислуги. Трещат по-
толки, штукатурка отваливается и рассыпается в
прах – медленно, точно снег.

Многие останавливаются и глазеют. На самом-
то деле они мечтают, чтобы им на рожу упал кир-
пич: ведь если посчастливится стать уродом либо
калейкой, наступит безоблачное счастье. Не говоря
уж о надежде погибнуть.

Здание рушится понемногу, аккуратно и рав-
номерно, будто набор грязных кубиков.

В едином порыве люди подходят и опрокиды-
вают забор, отделяющий их от стройплощадки.

Обваливается часть стены. Здание приоткры-
вается, словно в анатомическом разрезе. Эта сте-
на погребла под собой не так уж много народу:
лишь тех, кто хитростью пробрался сквозь толпу
и задрал нос в нужный момент.

Толпа. Она раздосадована, нервничает,
повышает тон, ропщет, ей надоело ждать на хо-
лодном ветру.

Работа методично продолжается. Одному зеваке вздумалось лечь на тротуар: его тотчас затоптали до смерти. Другие последовали его примеру, но людям это показалось нечестным, и они сторонятся тех, что сами напрашиваются на пинки.

Слышны крики, новый рывок к зданию, негодующие зрители идут на штурм, вооружаются кирпичами и ломami, срывают двери с петель, пробивают бреши и проламывают потолки. Это их немного успокаивает.

69

Вдруг один из тех, что влезли на самый верх, бросается вниз. Воодушевленная толпа прыгает вслед за ним и разбивается о тротуар. Пара скептиков, зачем-то поднявшихся вместе со всеми, по-прежнему остается наверху, а потом начинает увиливать. Когда снизу доносятся радостные возгласы, им становится стыдно, и они тоже спрыгивают.

Бульдозеры подбирают трупы. Рабочий день окончен, строительная бригада бросает все, как есть, чтобы завтра вернуться.

Тут-то и появляется блядь, растлительница парнишек. Они входят в разрушенное здание; похоже, хотят сэкономить на гостиничном номере.

Я следую за ними по пятам. Темный коридор, за ним ступенька, вторая, и еще: лестница – ни строительного мусора, ни трупов. У себя над головой я слышу резкий, чеканный, глуховатый топот девки, отрывистый, неприятный шорох подметок мальчика.

Дверь закрывается у меня перед носом.

Девка раздевает своего паренька. Я подглядываю за ними в замочную скважину. Пацан перестал задаваться. Он отказывался снимать не совсем чистую одежду, но вот она уже свалена в кучу на кафельном полу. Когда малыш остался в одних

носках, девка сорвала одеяла (жильцов выселили, и я не понимаю, откуда здесь мебель), схватила мальчугана в охапку и грудой бросила поперек кровати.

Она легла сверху. Я видел лишь стонущее, колышущееся, мертвенно-бледное месиво.

Когда блядь кончила, я вошел в номер.

Девчонка не удивилась, уложила огольца на живот, похлопала по попке и сказала:

70 – Тоже хочешь с ним поразвлечься?

Я не шелохнулся. Она настаивала:

– Ну, решайся! Он только этого и жаждет, можешь начинать, все по очереди!

Все по очереди – я вышел и сбежал по лестнице. Она помчалась за мной, титьки качались под нелепой шалью, девка крикнула:

– Быстро вернись, он ведь ждет тебя!

Они, конечно, потрахаются еще раз, он будет в восторге, вот это секс, игра стоит свеч, даже если кажется, что отбиваешься от медузы, ведь дружки остолбенеют, когда он расскажет подробности, приукрасив все, как в кино, при одной только мысли об этом они наложат в штаны, но он не признается, что хотелось блевать, что он чувствовал себя слюняем и размазней, что не вышел ростом, ведь таким толстухам нужны гусары, а ему хотелось уйти или поспать, но девка непрерывно тискала его пониже спины.

– На хрен тебе сдался мой зад?

Он не осмелился это сказать и лишь скривился, какие мерзкие у нее пальцы, она без ума от маленьких полушарий, сиськи у нее вдвое больше, чем жопка мальчугана, а какие ямочки! Надо их расцеловать, она усядется сверху и сожмет коленями узкую поясницу малыша, жаль, что они не собачки, а то бы можно вывернуть жесткий,

длинный, мохнатый хуй назад и загнать его
внутрь до упора.

Парнишка обернулся:

– Я замерз. Мне нужно одеться.

Он сказал это шепотом, боясь, что она ответит
лапочка дорогуша хучек иди я тебя согрею, но ей
плевать, ее больше не интересовал этот девствен-
ник, больно смотреть он такой милашка сложен
на загляденье сладенький точно драже но у него
совсем нет сил еле-еле стоит садишься на него
будто на ночной горшок всего-навсего легкий пе-
рекусон теперь бы побольше

Я приоткрыл дверь, и девка крикнула:

– Скорей, он уже одевается!

Я набросился на парнишку, он, конечно, орал,
отбивался. Девка сидела рядом и держала его за
руку, словно у изголовья ребенка, которому дела-
ют укол, врач быстро все закончил, теперь это в
твоих кишках выкручивайся сам, спасибо мадам,
я заскочу вечером, присмотрите за ним

нет прежде чем я на него накинулся шлюха под-
готовила парня к тому что я буду шуровать у него
внутри и ее пизда липко целовалась с моим живо-
том пока ее маленький дружок меня натягивал

с парой лишних банкнот он углубится в этот
квартал они проведут ночь в гостинице она ляжет
снизу будет худой ее устрица не воняет она не по-
зволит ебать его в жопу тебя оприходовали с одно-
го конца покажи-ка другой

паренек не знал как свалить, не хотелось гру-
бить но дать понять что его не ценят, это так труд-
но, с залихватским видом он выпалил:

– Пока, мадам!

У здания никого не было, лишь парочка
задержавшихся рабочих уходили со стройплощад-

ки. Мне приглянулся один подмастерье, и я подрулил к нему.

Да, это правдоподобное, верное развитие событий, все идеально сходится.

Затем я столкнулся на вокзале с блондинчиком и поболтал с ним перед отправлением поезда или, точнее, встретился с матросом. Это случилось в 11:29, а без пяти двенадцать мы уже были в постели.

72

После этого я потерял счет времени, потому что снял часы. Чем мы занимались? Да тем, чем обычно занимаются в постели. Он взял бритвенное лезвие и нарисовал у меня на животе красную звезду – пупок в центре. Осторожно лег на меня, и звезда отпечаталась на нем.

Матрос не прибежал к насилию, не бил меня, не прикасался лезвием к моему лицу или члену. Он очень ловко рисовал у меня на коже, было щекотно, и я беспрестанно смеялся – впрочем, эти воспоминания выглядят чересчур игриво, ведь я повествую о самоубийстве.

Итак, я купил пачку бритвенных лезвий. Хватило бы одного, но они не продаются поштучно. Я наелся сэндвичей и шоколада. Вскрыл левое запястье. Крови пролилось немножко – порез неглубокий. Я жадно нащупал вздувшуюся вену на локтевом сгибе, но не решился перерезать.

Точнее, обмотал шею поясом от плаща и крепко затянул. Чем дольше я душил себя, тем меньше оставалось для этого сил. Тогда я начал биться головой о стену. Но разбуженный ударами сосед стал возмущаться. Я снова схватил лезвие и для вдохновения накарябал у себя на животе ту звезду.

Наконец появилась дельная мысль: лечь под

шкаф, упереться и приподнять одну его сторону, положить голову под ножку и затем отпустить всю машину.

На мессе мне взгрустнулось. Ему было лет пятнадцать с небольшим: он никогда мне не нравился, но покойников все равно жалко, это повод, достойный предлог. Церковь была красива, если только церковь может быть красивой. Зрелище настолько увлекло моего блондинчика, что он забыл свой детектив на скамейке. Я толкнул его локтем. Он не соизволил ответить. Я задумался, что же я здесь делаю, раз не интересую его. Я приподнял крышку гроба и тайком сбежал со своих похорон. Никто не заметил.

73

Пора было уходить: у меня свидание с белокрым мальчишкой. Весь вымытый и причесанный, он волновал запахами лаванды, зубной пасты, брильянтина, наверняка мечтаю, чтобы его поскорее растлили. Я не люблю чистоту, доведенную до этих ароматных крайностей. Мне пришлось бы удерживать мальчика пятнадцать часов без мытья; тогда бы его тело вновь заблагоухало тухлыми выделениями, отличающимися всех миловидных и целомудренных подростков.

Досадно, что в тот день я еще не встретил его. Мы познакомились лишь позднее, и ему вовсе не хотелось, чтобы я целовал, ласкал, буравил его, ну и прочих нежностей, коими преисполнялся мой взор.

Но, хотя ребенок и присутствовал на моих похоронах, они были преждевременными: вероятно, мне так и не удалось покончить с собой. К счастью, я без малейшего труда выстрою иную версию событий.

Мальчонка у реки без единого слова позволил до себя дотронуться. Когда я пришел, он купался нагишом; затем, по взмаху руки, вышел из воды вместе со своими товарищами.

Они обступили меня, гадая, есть ли у меня бабки. Паренек пощупал мой член, и они рассмеялись, но едва я велел раздвинуть ему ягодицы, пришлось показать деньги. Слишком много не потребовалось. Они мигом оттаяли. Старший трахал меня, пока я ебал его маленького дружка.

74

В былые времена я коротал жизнь в столицах нищеты, где ребята достаются задешево, так как обнаружил, что крайняя бедность и исключительное богатство смягчают нравы. Мальчик-проститутка занимает привилегированное положение среди бедняков: он обладает красотой, которую продает и перепродает, отсрочивая свою кончину.

Меня могут упрекнуть в оппортунизме. Но это не помешает мне покупать на свою маленькую зарплату сказочные оргии, рискуя тем, что меня публично унизят, ограбят или обдерут. Я полагаю, что у этой откровенности есть хорошие стороны, и, смирившись с репрессиями, буду высасывать брюхо у тех, кто высасывает кости и даже лишается приятных поводов для ненависти, если рядом нет педерастов, которым они продают потоки своих чресл, а также свои мордашки, в них я узнаю собственную скорбь, ведь голодающие так похожи друг на друга, хотя некоторых и презирают больше прочих.

Ах, если б мы стали на одно лицо, подцепив у них какую-нибудь болячку! Тогда я поселился бы там, жил с ними их жизнью, и продажные тела

связались бы братскими узами. Я тоже торговал бы собой или, скорее, мой инстинкт жителя Запада и христианина пробудил во мне талант сутенера, что обеспечило бы комфортное воспитание и сексуальные льготы.

Я бы устроил для себя гарем из детей, подростков и юношей, состарился там, обрюзгший и красномордый, и перецеловал столько губ, отдуплил столько жоп, принял в себя столько спермы, что превратился бы в огромного жирного будду со сморщенным хуйком, спрятавшимся под пузом. Когда же, наконец, не останется ни одного ребенка, которого я не осквернил, и ни одного мужчины, чей член не засунул в свои глубинные складки, я умру, и изо всей этой протухшей спермы на моей могиле вырастут огромные лилии, в которых приютятся лобковые вши.

Так я достигну еще на этом свете нашей главной цели: презираемый, эксплуатируемый и унижаемый по примеру других, я пройду через весь тот ад, ничтожной причиной которого был.

Он взял сдачу, пачку сигарет и вошел в зал ожидания. Никого.

Он снял защитную пленку, открыл пачку, вытащил сигарету и вставил в правый угол рта, поискал спички, нащупал коробок в левом кармане брюк, расстегнул плащ, слегка вытянул ноги, чтобы ткань отлипла от кожи, и засунул правую руку в соответствующий карман, достал какой-то предмет, снова застегнул плащ, оставив нижнюю пуговицу расстегнутой, провернул колесико зажигалки, вдохнул огонь с первой затяжкой, выдохнул дым через ноздри, экономно расходуя топливо, хоть это было незаметно на расстоянии, убрал спичечный коробок в левый карман плаща, сорвал

самую нижнюю пуговицу, скрестил ноги
увидел, как вошел блондинчик четырнадцати
с половиной лет, с необычайно заурядным лицом,
который сел перед ним и посмотрел в упор
торопливо затянулся несколько раз сигаретой
заметил, что бесцветный подросток встал, еще
раз посмотрел в упор и толкнул дверь зала ожи-
дания

76

пошел за ним
приблизился к бесцветному подростку вплот-
ную
страшно захотелось объяснить ему свои про-
тивоестественные наклонности и пригласить в
туалет

беспричинно чихнул
испепелил мальчика взглядом
подождал, пока на этом необычайно зауряд-
ном лице, находящемся в двадцати шести санти-
метрах, не появятся гримаса, улыбка либо намек,
которые помогут отважиться на предосудитель-
ный шаг

внимательно рассмотрел того, кто в стянутом
на талии плаще, с погонями, украшенными ме-
таллическими застежками

того, кто с белой кожей, румяными щеками
и лоснящимися губами, напоминавшими заку-
ренный плод

того, кто с красивыми, не слишком короткими
ножками

того, кто с хулиганистым видом

того, кто, стройный и прямой, с по-детски вы-
гнутыми чреслами – в тайне надеялся все же удо-
влетворить свои противоестественные наклонно-
сти

подумал, что они будут верными, страстными
любовниками, супругами, изменниками, напо-

добие тех, что должны вызывать просвещенный восторг современной публики

вспомнил, что у пятнадцатилетних подростков обычно принято завязывать непорочную школьную дружбу, каковую омрачит лихорадочное взаимное изучение их полнокровных юношеских тел в безрассудных и пламенных объятьях

признался себе, что слишком любит мальчиков и не ограничится тем, чтобы снять штаны лишь с одного, пусть даже бесцветного подростка

77

решил убедить ребенка, что их любовь будет вечной, воспользоваться завоеванным доверием, дабы насладиться мальчиком и, как подлый со-вратитель, бросить его, раздувшегося от этих действий, в течение двух часов

удивился, что ребенок направился к метро, поскольку это означало, что они в Париже, тогда как мы представляли их в другом месте

рассудил, что следует сейчас же вернуться назад, ведь туалеты в метро не такие удобные, как на вокзалах, и насквозь провоняли дезодорантами зажиточных пидоров

рассердился, что множество медлительных прохожих мешают обратиться к малышу

снова чихнул без видимой причины

последовал за малышом до подземного перехода на станцию

прочитал на лице блондинчика внезапное изумление и обратил взор туда, куда смотрел бесцветный отрок

и тоже удивился, но ничем этого не выдал.

Дело в том, что перед каждым составом люди прыгали на пути и ложились на рельсы.

Люди орали, а проносющийся поезд оставлял от них мокрое место. Другие пассажиры отпихивали трупы, укладывались сами, и новый состав

разрубал их на куски. Иди ко мне белокурая моя лапушка, сказала ребенку толстая дама. В этот знаменательный день своей кончины она натянула красные шерстяные чулки, дабы скрыть варикозные вены, так как хотела умереть весело – юное и современное самоубийство, последний писк моды. Иди ко мне моя лапууля идиже зоолотце дай мне свои гуубки, умоляла взопревшая толстая дама.

78

– Они с ума сошли! – Шепнул мне мальчуган. Я обрадовался, что наконец-то завязался разговор.

Прибыл состав. Толстую даму разорвало прямо у нас перед носом. Открылись двери. Мы сели. Двери закрылись. Поезд тронулся и затрясся. Затем он долго и плавно катился.

На каждой станции слышался гул голосов, сквозь который доносились бульканье и хрипы выживших.

– Их нужно прикончить, – сказал ребенок.

– Скверно все организовано.

Кровь, хлеставшая из раздавленных тел, малопомалу поднималась. Она затапливала самоубийц и уже добралась до перрона. Кверху всплывали пузыри – синие, опаловые, розовые. Мы увлеченно рассматривали их в окно. Когда мы соприкоснулись щеками, я воспользовался этим, чтобы поцеловать его, но он не отреагировал. Теперь пассажиры не решались спускаться на рельсы, боясь утонуть или подхватить заразу. На поверхности плавали тупфи и булавки для галстука. Состав наконец тронулся.

Афиши. Выход наружу. Свежий воздух. Они выбрались на бульварное кольцо. Поблизости лес.

Листва оттягивала ветви. Солнце пускало желтые лучи. Весна.

Осень. Высились голые деревья. Стояла ночь. Земля отяжелела, точно губка.

Малыш повел меня в здание, предназначенное под снос. Он хорошо его знал и жил там, невзирая на антисанитарию. Он показал мне лестницу в подвал.

Мы прошли первый полуподвальный этаж и остановились на уровне земляного потолка, там воняло помойной ямой. Лабиринт коридоров привел нас в самый дальний, самый темный закуток – какую-то келью. Его укрытие. Там лежали свечи, матрас, одеяло, жратва.

Он сообщил, что это последний вечер: завтра здание окончательно снесут. Он заночует здесь.

Он снял плащ, туфли, брюки, трусы и улегся на матрас. Показал пальцем на ржавый стальной прут полутора метров длиной. Слегка повернулся на животе и задрал верхнюю одежду.

Не хотелось орудовать стальным прутом. Жалко было увечить столь нежную плоть. Но я смущенно представил, с каким удовольствием улегся бы здесь, если бы она кровоточила.

На его коже не было синяков, а на пруте – крови: значит, его еще ни разу не били. Я не стал ругать его за эти фантазии, просто сказал, что хочу заняться сегодня ночью другим. Он расстроился. Но мои крепкие зубы и сильные кулаки его утешат.

Словно трущаяся о ноги кошка, он ластился лицом к моему члену, шлифовал шею, затылок, прижимался ушами. Нежное тепло его глаз над моей головкой и ресницы моргающих век.

Показался его закругленный язык. Свеча померкла. Если я не смогу видеть его лицо, удовольствия поубавится. Я зажег другую свечу.

Его волосы отливали в моей шерсти звездным

блеском. Я спутывал пальцами широкие локоны и курчавое руно.

В паху у меня висела голова: я бы мог выйти на улицу лишь с нею вместо одежды, и все бы завидовали этому золотому затылку.

Затем я повалил его, укусил между ляжками и почувствовал на языке кровь. Он не вскрикнул и не стал сопротивляться. Я отпустил его. Он весь покраснел. В глазах стояли слезы – слезы мальчиков, которым в древности расплющивали камнями мошонку, чтобы сделать их евнухами.

Я рассматривал его смятую рубашку, засаленный воротник, вырванные пуговицы; его волосы, которые он убирал с глаз. Но тело его гордилось.

Он полностью разделся.

Он развернул на матрасе моток колючей проволоки, узкой и длинной. Я догадался, что он замыслил; не буду ему мешать. Меня душил смех – таким комичным казалось орудие пытки. Но потом я вспомнил про вес собственного тела и представил, как эти острия впиваются в кожу малыша и сдирают ее при каждом движении моего живота.

Он приблизился – и тут же подпрыгнул: порезал пятку об осколок стекла. Не вытирая кровь, присел на корточки у кровати.

Он осторожно лег. Лицо его сильно побледнело. Проволока исчезла под мальчиком. Особенно жестким было первое соприкосновение: щека, ляжки, живот. Едва колючки уперлись и закрепились, стало не важно, царапают ли они или протыкают: я начал ебать. Мое поразительно мягкое ложе заставило забыть о скрывавшихся под ним шипах.

Он не хрипел, не пыхтел. Лишь побелел.

Он выгибался, чтобы не ободрать член, изредка приподнимался на локтях и опускался вновь.

Мы бились головами, он поранил щеку о металлические острия: наконец закричал.

Я отступил. Мальчик неподвижно лежал на матрасе, не дыша и не стона.

Я ухаживал за больным, за разбойником, снятым с креста перед положением во гроб. Я усадил его. Забросил колючую проволоку подальше. Жалкая полоска синеватых точек, кровянистых угрей, протянувшаяся от грудной клетки до ляжек. Эти мелкие следы несопоставимы с той пыткой, которой он себя подверг. Сильно кровоточила только правая щека: кровь скрывала очертания ран.

Глаза его впали и погрузстнели, рот закрылся, плечи опустились. Но гладкий и белоснежный член напрягся.

Я уложил ребенка на спину и облизал его кровоточащую щеку. Мне понравились его страдания; и мне также нравилось ласкать отметины.

Я отсосал ему. Он почти сразу кончил быстрыми струями, которые я постепенно глотал. Я держал во рту его член, тот потихоньку обмяк, слегка брызнул, но не уменьшился, а лишь уснул.

Нас окружал запах подвала – грязного одеяла, матраса, катакомб, нечистот, отработанной смазки, мочи; мы будто ночевали в корзине старьевщика. От всего его тела – пальцев, лица, живота – исходили приторные испарения; они улетучивались, смешиваясь с пресным запахом спермы, который смягчался густым потом под мышками и в складках кожи.

Хотелось ли ему говорить? Я забыл, что завтра подвал разрушат. То был прощальный вечер.

Я лишний. В пригородах он отыщет другие

заброшенные дома с глубокими подвалами; под развалинами, травой, пылью он будет по-прежнему зажигать свечу и смотреть на огонь. Я знал все о его жизни, любовных связях, одиноких играх в этой норе; о ночи, к которой он прислушивался, безразличный к моему присутствию, погруженный в собственное тело.

82 Он не спал. Его грудь медленно и равномерно вздымалась. Когда я встал, он даже не шевельнул головой.

Он встретит рассвет в одиночестве. Я оставлял идеальный белый труп.

Уличные фонари горели тускло. Ехали машины, автобусы; ни одного прохожего. Я замешкался на минуту перед зданием, вспомнив о раненом, лежавшем на втором подвальном этаже, но тут же поспешил прочь.

Я повернул обратно, спустился по лестнице, нашел ребенка. Он согласился выйти со мной.

Улицы были пустынные. Светила только луна. Жалюзи на витринах опущены. Малыш заметил:

– Все в метро. Там удобнее кончать с собой.

– Да, по дешевке.

Я решил понести его на руках. Он был измотан и заснул.

Я поправил его свесившуюся на грудь голову. По пути я снова возжелал это хрупкое тело.

Мало-помалу зажегся свет, мимо проезжали машины, встречались пешеходы.

Мы вошли в гостиницу.

Я уложил его на свою кровать; он отвернулся и насутился на подушке.

Я прижался к нему. Закрыв глаза, и в мозгу всплыл образ: свернувшийся клубком парнишка, сжатый у головы кулак, пухлые и лоснящиеся пле-

чи, приоткрытые губы, за резцами острый язык. Я долго думал об этом, но затем сонные волны, исходившие от его теплого тела, затопили и меня.

Когда я проснулся, влажный рот касался моей шеи, а легчайшие волосы щекотали мне лицо. Прежде чем разлепить веки, я понюхал эту шевелюру и напряг мышцы под изгибами и округлостями другого тела. Заключив меня в объятия, ребенок прижался к моему животу и груди.

Я не смел шелохнуться.

83

Он спал спокойно и неподвижно; лишь слегка подрагивали губы.

Наконец он зашевелился и проснулся. Едва заметив меня, резко встал, оделся и хлопнул дверью.

Я вернулся на вокзал. В вышине напротив касс висело табло с информацией об отправлении поездов; внизу – зеркальная стена. Я увидел в ней долговязого, опасливого парня с непроницаемым лицом. С трудом узнал самого себя. Я отвернулся и взял билет для выхода на перрон, чтобы отправиться в зал ожидания.

Хотя лил дождь, когда он вышел с завода, в нос ударила пыль. Он повел свой мопед за руль.

На багажник поставил спортивную сумку с рабочей одеждой и прислонил мопед к стене у дороги.

Он причесался. Лило как из ведра. Но он все же закурил, ведь он два часа промечтал о том, как затянется на улице сигаретой, подумав тогда еще блядский ливень носа наружу не высунешь, а потом увидел отражение своего красивого лица в жирном кафеле цеха, и стало не по себе.

Он сел на мопед, мы выставили руки под дождь, помедлили.

– Ну что, поехали?

Он быстро покатил вниз.

– Мы же решили. Плевать!

Я приволок мотоцикл, вывел его на дорогу.

84 Он поехал впереди, понесся стремглав, он разобьется, как пить дать у этой блондиночки шило в жопе. Он живет в деревушке в пяти километрах от завода, в каком-то пригороде. Город опоясан заводом. Между ними захолустье, купы невзрачных халуп, картофельные поля, мусоросжигатель и лесок, где летом встречаются пидорки. Они зарабатывают на этом немного бабла. Их не щемят. Я тебе, а ты мне, баш на баш: если зажопят, они платят. Есть такие, что просят о пустяке: потрогать за ширинку, пощупать яйца, полизать сраку – эти-то платят больше всех.

Возможно, он понял, что его пасут, если очертя голову помчался на мопеде.

Пыль. Затвердевая и спрессовываясь, она превращается в стены и дорогу, стволы деревьев и влажную траву. Рассыпаясь и блуждая, несется по тротуарам, лижет вам ноги, обметает окна, помалу поднимается, чернит небо, улетучивается и снова падает на землю. Запыленные люди, глаза, ступни, лохмы, белье, еда, супруги и покойники. После каждого дождя она выступает кругляшами, мокротой, прыщами, стекающей накипью на стенах, угольными лужами во дворах. Весь город выстроен из этой подавляющей грязи, без пыли не было бы ни домов, ни жителей, ни колымаг. Как полновластная хозяйка, она осыпается с высоты соборов, дремлет на трамваях, чахнет в пригородных палисадниках, и четвероногие пенсионеры сажают в пыли хилые примулы. Ею намазывают пузо, подтираются, харкают во время секса, это

не земля, а толченое стекло, металлолом, лысые шины, опилки, шнурки, гнилые зубы, стертый в порошок помет, растоптанные пластмасски, сажа, зола, рассыпавшиеся книжки, разложившиеся собачьи и раздробленные птичьи тушки, стари-ковские кости; когда в пыли есть земля, у нее бархатистый, привлекательный вид, ее кладут в суп вместо масла, и после того как суп доедят, на дне остается вкусный глинистый осадок.

Но дождь промывает глаза, и все кажется чистым.

85

Теперь с обеих сторон проносились платаны. Ливень слегка поутих. Мне не хотелось слишком скоро догонять мопед, мы отыскивали местечко получше, перед самым лесом, у старого музыкального киоска, там есть погребок, мы влезли через люк сбоку, ни лестницы, ни света, прыгнули в темноту, летом они здесь делали нам минет.

Он скрылся за двумя поворотами. Я прибавил газ, сторбился, наклонился, сжал ляжки, и вот снова мопед, мы сразу притормозили, сохраняем дистанцию, он не должен нас узнать, он курил, выпуская голубые облачка, клубы табачного дыма то слева, то справа – куда ветер подует, после него в воздухе еще висели клочья, белесый табачный дым напомнил, как хвастливо он уселся на своего железного коня, его смазливую мордашку мы подправим ножичком, сто пудов он слышал нас за спиной.

Мы были в раздевалке, я нес всякую ахинею, как мы зашибали в лесу бабки с тапетками, он обозвал нас педрилами, а я не стерпел, даже если так, это наше личное дело, мы еще подсунем тебе за «бабские хари».

Я затаил эту мысль, чтобы он не догадался,

потом мы поболтали, он рассказал, что какие-то типы все время к нему пристают, он бы мог заработать сколько угодно бабла, но только не с нами и не таким способом, еще вчера вечером на вокзале, и это был не мерзкий старикан, а такой же чувак, как мы, блондиночка зассала что мы тут же вскочим ей на спину знаю я его когда ему страшно он разевает пасть белеет выпучивает зенки как жертва аборта весь обмякает и слабеет пидорасы наводят на них ужас когда он в таком состоянии самое время завалить его на землю и от души выебать в жопу чтоб он потом дня три не мог нащупать очко, но он вдруг начал выделяться сказал какого рожна вам нужно отвалите от меня я не из вашей пидорской шатии, так вот он изысканно выражается, детективов обчитался.

Дождь вступил в зрелую фазу. Удовольствие кончилось, пора было прятаться. Я повернул обратно. Длинные железные створки заводских ворот закрыты. Я пошел вдоль стены. Дома́ жались друг к дружке, в сыром воздухе витали ароматы капусты и шмурдяка.

Пойти к вокзалу или найти укрытие и заночевать здесь? Увязаться за каким-нибудь сорванцом или довериться судьбе в зале ожидания? Если ливень не прекратится, я сделаю мгновенный выбор.

На листе деревьев лежали бесчисленные капли дождя. Мальчик показал мне одну: его глаза и щеки отражались в ней, точно в выпуклом зеркале. Он передвинулся; лицо уменьшилось, быстро скользнуло по прозрачной округлости и остановилось у водной кромки. Веки моргнули. Затем зеркало опустело.

Паренек пошевелился, его лицо показалось вновь, искаженное и увеличенное. Вскоре я видел лишь светящийся кружок под коромыслом брови, похожий на светлую точку в глубине колодца, где тонет полуденный луч.

Не обращая внимания на мальчика, я взял каплю двумя пальцами и раздавил.

Желтый солнечный свет вдруг покраснел, затем посерел: луна в вышине налилась голубой кровью и поплыла.

87

Сад расцвел. В сумерках я различал узкие аллеи со склоненными ветвями. Я прошел через сад и добрался до фруктовых деревьев; стволы отбрасывали на траву тени, я их пересекал.

Я уткнулся в высоченную стену, но сумел влезть на нее и спрыгнул с той стороны. Скатился в заросли крапивы. Затем двинулся дальше. Кусты стали гуще. Я продолжал путь, раздвигая ветки. Колючки доходили до плеч, трава – до бедер.

Растительность поредела. Я спустился широким, цветущим склоном в долину, где текла река с ивами по берегам. Светило утреннее солнце. Я уселся на погруженный в воду корень.

Его лицо проступало сквозь рябь, и, наклонившись, я мог бы до него дотронуться. Но отпрянул. Тело мальчика опустилось на самое дно, стало крошечным и блестящим, как ракушка в стеклянном шаре. Затем его отражение размножилось во столько же раз, сколько дождевых капель на моем оконном стекле; переливаясь справа налево, отражение исчезло; я услышал, как парнишка сел в вагон. Я вышел из своего купе, чтобы встретиться с ним. В металлических стенках коридора не было никаких отверстий – ни окон, ни дверей: пропала даже дверь купе, откуда я только что вышел. Поезд тронулся. Мне захотелось сойти. Передо мной тот-

час возникла дверь. Я спрыгнул. Паренек, разумеется, уже стоял на перроне.

Я рассеянно взглянул на раздатчиков поцелуев (сплошь дряблые, щекастые рожи с толстыми обвисшими губами) и в последний раз отправился в погоню за мальчиком. Я должен был окликнуть его, объясниться, но он удалился, исчез и

88

Мотоцикл внезапно газанул и обогнал мопед; обе машины пару секунд ехали наравне. Возможно, все трое переговорили.

Затем мотоцикл занесло на скользком шоссе, или же он умышленно врезался в другую машину, и та перевернулась вместе с водителем. Послышался краткий вскрик.

Мотоцикл затормозил. Пассажиры слезли, положили машину на обочине, подбежали к жертве, вытащили ее из-под мопеда и загнали его в заросли.

Пострадавшим оказался невысокий белокурый мальчик с тонким лицом, лет четырнадцати-пятнадцати. Двое подростков на мотоцикле подняли его за руки и ноги и отнесли в лес.

Миновав завод, я пошел по длинному проспекту, с деревьев капало после дождя. Вскоре они сменились зданиями, витринами, автомобилями. Еще немного, и показался вокзал.

По вестибюлю разгуливали холодные сквозняки. Я взглянул на табло отправлений и узнал, что до ближайшего поезда еще много времени. В зале ожидания никого не было – не считая молодого матроса, совсем еще мальчишки, дремавшего поодаль.

У него шла носом кровь, одежда порвалась, кожа местами содралась, но, похоже, никаких серьезных

ных увечий. Нападавшие открыли рядом с киоском люк, и один туда проник. Второй, оставаясь наверху, помог ему спустить пострадавшего, а затем тоже спрыгнул. Люк закрылся.

Они принесли с собой электрический фонарик. В этом подвале округлой формы, с низким потолком и бетонным полом хранились железные стулья, кабели, приставные лестницы, канистры с бензином, метлы, лопаты и прочий дорожный инвентарь.

89

Они выдвинули стул и усадили пострадавшего.

Размотали несколько метров кабеля и привязали ступни мальчика к стулу; также обмотали его грудь и связали ему за спинкой руки.

Оглушенный падением мальчик стал приходить в себя, но глаза не открывал. Запекшаяся в ноздрях кровь мешала дышать, и он распахнул рот. Губы и подбородок покрывала корочка из кровавых сгустков, смешанных со слюной.

Двое других решили заткнуть ему рот носовым платком. Мальчик не мог дышать носом и тотчас начал задыхаться. Он громко пыхтел, мычал, отбивался, получил оплеуху и захрипел громче. После удара кулаком в челюсть он свесил голову и отключился.

Он вышел из вокзала вместе с матросом. Они углубились в лабиринт улочек и шагали довольно долго. Простая вывеска на подоконнике гласила: «Гостиница».

Они растерялись. Мальчик по-прежнему был без сознания, вызывал жалость; носом снова шла кровь. Похоже, они утолили свой гнев. Возможно, им захотелось развязать парнишку, уложить, поу-

хаживать за ним, отвести домой.

Один из подростков потрепал ребенка за волосы, потрогал затылок, пощупал предплечье.

В уголке они заметили канистры с бензином. Опрокинули пару на бетонный пол вокруг стула и открыли остальные.

90 Выбравшись из подвала, они швырнули в люк спичку – на специально пролитую дорожку бензина, соединенную с большой лужей и канистрами. Захлопнули люк и бросились наутек.

Выйдя на обочину, они обождали под деревьями, пока проедут машины, подняли мотоцикл и сели на него. За спиной у них прогремел взрыв.

На рассвете матрос встал. Он перевернул паренька на спину и ласково сложил его руки и ноги, как на надгробии.

Убрал постель, снял простыню, встряхнул и накрыл ею товарища. Пропитавшие простыню запахи испарились.

Улегся не покрытую белым фигуру. Он был голый и слегка дрожал.

Он лежал на животе мальчугана, свесив голову и расслабившись. Разомлевшему от этого тепла пареньку померещилось, будто его похоронили заживо.

Матрос начал легкими движениями ластиться к фигуре, его хуй затвердел. Он просунул руки под спину мальчика.

Сжал его в объятьях, словно четыре стены камеры пыток. Руки малыша должны были выпростаться из-под савана и обнять матроса, который, возможно, потом сбежит.

Он кусал полотно, пытаясь отыскать плечо мертвеца. Упершись головой, приподнялся и задрал простыню до пупка.

В предрассветных сумерках он сотворил чудо. Раздвинул ноги малыша, встал между ними на колени, быстро смочил плевком анус, надавил хуем и вошел.

Он застыл, оцепенел, словно боялся порвать мертвую плоть. Его твердый хуй был соединявшей два тела артерией.

Ему нужно было представить эту смерть, чтобы целиком зарыться в теплых внутренностях – одиночество, отвергнутое живым. Затем он сможет уйти.

91

Он долго оставался в этой позе, с закрытыми глазами и отяжелевшим членом. Наконец отвалился. Поправил ноги паренька и откинул саван до ступней. Затем, повернувшись к кровати, он довел себя до оргазма рукой, словно бросив первую горсть земли на гроб.

1965-66. 1974, вторая редакция

ПЕРЕПИСЫВАЯ И ПЕРЕЧИТЫВАЯ «РЕЦИДИВ»

Занятно, что любовь к мальчикам ассоциируется с насилием.

Габриэль Мацнефф, «Шестнадцатилетние монахи»

Всякое новое произведение [...] это, в конечном счете, разрушение предыдущего.

Ален Роб-Грийе, «От нового романа к новой автобиографии»

Тони Дювер, автор десятка гомоэротических художественных произведений, лауреат премии Медичи 1973 года¹, опубликовал свой первый роман «Рецидив» в 1967 году. Семь лет спустя он переписал его, и сокращенный вариант книги вышел в 1976 году. Аллен Тайер сравнил «Рецидив» с прозой Жана Жене, какой она могла бы стать, переписи ее Ален Роб-Грийе. Первая книга одного из самых агрессивных французских писателей-гомосексуалов, провозгласившего себя «педогомофилом», была обойдена вниманием критики. В единственном на сегодняшний день исследовании, посвященном «Рецидиву», Джон

¹ За книгу «Paysage de fantaisie», Paris, Minuit, 1973.

Филлипс² опирается на работу Оуэна Хиткота о непрерывном конструировании и деконструировании гомосексуальности и гомосексуальной среды. Филлипс называет роман Дювера «гомотекстуальным». Отсутствие интереса критиков к этому произведению, беззастенчиво пропагандирующему педерастию, а порой и сексуальное насилие, Филлипс объясняет тремя причинами: скромные продажи – всего 2000 экземпляров первого опубликованного варианта и меньше 3000 второго; затворничество Дювера – пересылая по почте свои рукописи Жерому Лендону, он избегал прямых контактов с ним и другими сотрудниками редакции «Минюи»; а также общая маргинализация гомосексуальной литературы во Франции.

Рассматривая гомотекстуальные аспекты этого «беспутного повествования», Филлипс для удобства не принимает в расчет вариант 1967 года. Между тем, первое издание поможет нам понять, с какой целью Дювер переписал книгу и как переписанный «Рецидив» выявляет масштабы повторяемого Дювером сексуального/текстуального поиска.

Паратекстуальный предпросмотр

Помимо поразительной разницы в объеме – 53 страницы – между изданиями 1967 и 1976 года, наиболее явные отличия между текстами носят паратекстуальный характер.

---

² Phillips, John. *Forbidden Fictions: Pornography and Censorship in Twentieth-Century French Literature*. London: Pluto Press, 1999.

Хотя обоим вариантам предпослан в качестве эпиграфа зловещий отрывок из майяской Книги Чилам-Балам из Чумайеля, лишь во второй редакции романа указан переводчик – Бенжамен Пере. Отдавая дань толкователю, автор тем самым подчеркивает, что данный отрывок – не оригинал, а лишь одна из версий знаменитых пророческих текстов майя³, удаленная от них на шаг, точь-в-точь как второй вариант «Рецидива» – спаренная версия оригинала.

Кроме того, обе редакции разделены на четыре неравные части. Пронумерованные части второго варианта романа (I, II, III и IV) далее подразделяются лишь на абзацы. Четыре раздела первой версии не только поименованы («Изложение», «В лесу», «На железной дороге» и «В городе»), но и сложнее структурно.

«Изложение», первая часть варианта 1967 года, состоит из семи озаглавленных разделов. Вдобавок каждый подразделяется на абзацы, а в пятом два абзаца разделены пробелом. На первый взгляд, семь разделов связаны между собой последовательно и охватывают три месяца французской осени. За «Первым рассказом: октябрь» следует проблематизирующий его раздел «То же самое, ложь»; далее идет столь же загадочный раздел «То же самое, но с упоминанием подлинного имени», который приводит к «Правке», ставящей

---

³ В предисловии к Книге Чилам-Балам из Чумайеля Бенжамен Пере отмечает: «Что проку обнаруживать в этом произведении следы множества местных верований, если никто не в силах связать эти крупницы в единое целое?»

под сомнение весь октябрьский рассказ. За первыми четырьмя разделами первого рассказа следуют второй и третий; они предположительно охватывают оставшиеся осенние месяцы – ноябрь и декабрь соответственно. Объем рассказов различается – девять с половиной страниц во «Втором рассказе: ноябрь» и шесть в «Третьем рассказе, предварительно ограниченном апокрифическим эпизодом. Декабрь». Кроме того, во втором рассказе двоеточие, отделяющее существительное «рассказ» от названия месяца, который он предположительно охватывает (как и в первом рассказе), подразумевает равнозначность. С другой стороны, в третьем рассказе термин с юридическим оттенком после существительного «рассказ» и последующая фраза расчлняют заголовок, подчеркивая фрагментарность и неполноту.

Юридический оттенок значения причастия *provisoirement* («предварительно») – «постановить, вынести или провести до окончательного судебного решения» – как и всякая оговорка, вызывает у читателя подозрение. Седьмой раздел, «Краткое содержание предыдущих глав», является не столько напоминанием или подробным конспектом того, что было описано в первом разделе, сколько попыткой еще больше усложнить или запутать дело посредством обмана. В этом чрезмерно сжатом «обзоре событий» опущен второй, самый длинный рассказ и полностью проигнорирован ноябрь; факты излагаются в вопросительной форме и тем самым ставятся под сомнение:

В октябре он уехал после полудня на пригородном поезде. На конечной станции – около пяти часов – вышел на дорогу и зашагал. Когда наступила ночь, он лег спать под деревьями. На следующий день снова вышел на дорогу и опять зашагал. Весь день лил дождь. Вечером он укрылся в заброшенной церкви и уснул. Там его и нашли. Явился кюре с легавами. Потом я попал к кюре, который накормил меня ужином. Вот и все. Зачем я ушел?

В декабре я начал снова. Поехал на поезде небольшими перегонами. Первый довез меня до Тура. Второй – до Лиона. В этом городе жил Мишель. Я полночи бродил там, по предместьям и так далее. Затем новый перегон: Авиньон. Четвертый день – воскресенье, 25 декабря, если необходимо точная дата. Я вышел в Марселе. Затем снова сел в Ниме. Он купил в аптеке «колеса», служащий выдал их, не глядя. Ночью в Ниме он эти «колеса» проглотил. Потом – больничная тишина. Зачем он это сделал?

Ну вот. Я ничего не видел, ничего не желал, ничего не понял, никого не встретил, не хотел делать того, что сделал. Это ничего не значило. Но я не признаю этого ни за что на свете.

Надеюсь, это ясно? Тогда перемешаем карты.

«Изложение» с его игровой и, вероятно, ложной хронологией заранее усложняет три главы, образующие сердцевину романа: «В лесу», «На железной дороге» и «В городе». Как первый и самый поразительный пример ложного предупреждения или маркировки в дюверовском тексте, этот недоверный предпросмотр интратекстуального рецидивизма открыто демонстрирует изменчивые «леса» для тех полуправд, которые роман пытается связать воедино. Словно карты в крапленой шулерской колоде, автор перетасовывает эпизоды, события, разделы, персонажи, рассказчиков, места и сюжетные нити, стремясь обмануть и сму-

тить. В самом названии повтор и круговая структура совмещаются с уголовным преступлением, так что книга служит примером формального эксперимента и сознательной литературности «нового романа», несколько не отличаясь от него с литературной точки зрения. Тем самым, дюверовский «текст, лишенный целостности», соответствует делёзовскому определению структуры, в которой, как отмечает Роб-Грийе, «есть параллельные ряды, лакуны и лишние элементы, где все движется, смещается, ни на миг не останавливаясь в поисках смысла, поскольку эта мгновенность и эта фрагментарность невыносимы».

Фрагментарные конспекты в начале каждого раздела столь же проблематичны, как и несдержанное обещание «Изложения», по определению обязанного точно и методично описывать предмет.

Первый пример в виде предварительного перечня основных элементов второй главы («Влесу») звучит так: «Лачуга, лесник, старик, дети – вымысел. Блуждания, дождь, кюре – правда. Первое воплощение Мишеля». Читатель, подготовленный к двусмысленности текста «Изложением», уже готов скептически отнестись и к представленному здесь, на первый взгляд, четкому и ясному отделению фактов от вымысла.

Аналогичным образом, схематический конспект третьей главы («На железной дороге») раскрывает, но вместе с тем разрушает повествование; подавая надежду, он одновременно загрязняет фактическое изложение вымышленным и ставит под вопрос логику выбора и порядка появления персонажей: «Поезда, вокзалы, гостиницы, подлинные попытки. Иллюзорные речи

об этой книге и ее авторе. Воображаемая рвота. Прежде всего, арабский матрос, который, будучи вымышленным, предварительно вытесняет предшествующего Мишеля».

Словно этого чрезмерно усердного стирания границ между подлинным, иллюзорным, воображаемым и вымышленным недостаточно, синопсис четвертой и последней глав («В городе») раздвигает границы самого анонсируемого вымысла. Признавая его таковым, автор открыто его разрушает: «Автобиографический проект автора явно обращается в шутку метаморфозами, что претерпевают некоторые события и персонажи его произведения. После нескольких юношеских воплощений решает арабский матрос».

Так что же совершил Дювер, лишив свой текст паратекстуальных «лесов» в издании 1976 года? Если обманчивое означивание в первой редакции должно было предупредить читателя об издательском характере текста, то, возможно, убрав это означивание, Дювер «разбавил» свой роман и, как предполагает Тайер в рецензии 1977 года, сделал его «читабельнее»? Конечно, у читателей позднего варианта «Рецидива» меньше шансов запутаться и впасть в заблуждение. Но, поскольку более пространный вариант 1967 года также вводит и усиливает текстуальный самоанализ, паратекстуально повторяемый в «Рецидиве», то, устраняя фальсифицирующую композицию, на которой держится роман, Дювер делает его и менее двусмысленным. Читатели второго варианта не получают ложных объяснений. Их также не подготавливают, не вводят в заблуждение ложными предупреждениями заглавий, подзаголовков, конспектов и означиваний. Но за это ощу-

тимое «упрощение» приходится платить: лишаясь паратекстуальной предупредительной системы, читатель быстрее становится жертвой двойственности текста.

Рецидивистское (повторное) прочтение

Независимо от того, огрубляет ли подобное «разбавление», Дювер, как минимум, снижает, преуменьшает либо приглушает значение взаимоотношений между текстами, усиливаемое в данном случае драматическим напряжением между паратекстом и текстом, который он обрамляет. Но толковать это дюверовское преуменьшение подобным образом значит недопонимать его. Переписывая «Рецидив», Дювер, скорее, расширяет интертекстуальное поле своего романа, добавляя дополнительный слой или даже предпоследнее измерение рецидивизма. Хотя Филипс отмечает в варианте 1976 года многочисленные интертекстуальные отголоски Алена Роб-Грийе, Рэймона Кэно, Маргерит Дюрас и Робера Пенже, «ироничная интертекстуальность», подчеркивающая статус романа как текста в текстовой вселенной, а не как реальность, наглядно протягивается между самими вариантами. Множественная, изменчивая, ограниченная точка зрения, неясности и противоречия, фрагментарность и «членовредительство», в буквальном смысле перекалывание моральной ответственности, «выходящее за рамки индивидуальной субъективности», также выходят за искусственные девятилетние рамки между публикациями «Рецидива».

Пожалуй, наиболее удобный критерий множественной, изменчивой, ограниченной точки

зрения – изменения инструментуемых ею личных местоимений. При интертекстуальном рассмотрении изменения внутри первого опубликованного варианта получают усиленный резонанс. Симптоматичным для переменчивой гомосексуальной личности, которая, как отмечает Филиппс, постоянно сомневается в себе самой и выстраивается из фрагментов воспоминаний и фантазий, является то, что они взаимно дополняют и подчеркивают изменения в отношениях собственности при переходе притяжательных местоимений единственного числа от третьего к первому лицу, например, «его плащ – мой плащ», или, наоборот, от первого лица к третьему: «мой велосипед – велосипед кюре». Так, в одном эпизоде третьего раздела первой части варианта 1967 года («Изложение») наблюдается переход от третьего к первому лицу единственного числа:

Он спокойно лег спать. Однако ночь была столь прекрасна, что он не мог сомкнуть глаз. Стояло полнолуние – в такое время даже скептик поверит в магию. Поэтому я встал и снова зашагал босиком к лесу. Я решил не обувать ботинки, рассчитывая еще вернуться.

Переписывая «Рецидив», Дювер зеркально отображает этот переход от третьего к первому лицу путем перехода от «я» в первом варианте к «он» во втором.

Это приумножение точек зрения не направлено на разрушение перспектив, делающее текст более читабельным. Напротив, оно устанавливает критический императив, требующий прочтения обоих вариантов для понимания всего богатства

романного рецидивизма в полной мере – как интертекстуально, между книгами, так и внутри каждого варианта.

В самом деле, текст непрерывно и навязчиво переписывает сам себя, что подрывает всякую возможность стабильности или окончательности. Таким образом, он заранее исключает возможность выстраивания последовательности установленных «фактов». Например, неуверенность, в какой позе займутся сексом юный беглец и лесник, обыгрывается в обоих текстах. В варианте 1967 года беглец спрашивает:

Он займется этим стоя, на четвереньках или лежа на скамье? Лучше на земле – на скамье он меня расплющит, я отдавлю себе все кости, обдеру ступни о закраины.

С другой стороны, эквивалентный, но противоречащий пассаж из варианта 1976 года показывает, что множество сексуальных поз – в джипе, на четвереньках, на земле или стоя – и различных комбинаций приобретает значение благодаря воображению.

Далее, отрицая всякую логику окончательности, незаконченное, фрагментарное предложение в конце обоих вариантов того же раздела переворачивает чрезмерно усердный самоанализ с ног на голову и взрывает его изнутри. В варианте 1976 года внимание читателя временно переключается с бегльца на совершенно постороннюю тему – мать рассказчика.

Сдвиги и нивелирование индивидуальной субъективности и окончательной истины, которые находят выражение в подвижности, двусмысленности и противоречиях между обоими

вариантами «Рецидива» и которые в итоге еще больше дестабилизируют текст, соответствуют сдвигам и нивелированию личных имен и времени, или того, что Филипп называет «эвакуацией социального референта». Идеализированный белокурый и голубоглазый Мишель [Мишели?] из первого варианта, «идеальный пидор иного рода, нежели матрос», который своей привлекательной внешностью нарушает общественный порядок и должен быть убит («Убивайте их, они мешают»), ни разу не именуется и не получает постоянных, устойчивых физических характеристик в более позднем варианте.

Подобным же образом, в первом варианте города́ именуются, но их специфика также нивелируется: «Поезд замедлил ход и мягко остановился. Мы были в Марселе, или в Париже, или в Лионе, или где угодно».

Кроме того, в варианте 1967 года длительность и конкретное время событий зачастую ставятся под сомнение: «Я сказал, что было шесть часов. Но дело было после полудня... Определенно, утром, возможно, около десяти часов». Все эти примеры «времени, лишённого темпоральности» (Роб-Грийе), удваиваются, утрируются, запутываются и редко остаются эквивалентными в варианте 1976 года.

Если внутри и между вариантами «Рецидива» наблюдается тенденция к нивелированию и тем самым оспариванию значимости личных имен и времени, навязчивое пересказывание и перестановка сексуальных подвигов и фантазий в первом издании романа отражает тенденцию к большей конкретности и красочной детализированности

во втором. «Ржать» превращается в «ебаться», а «большие ляжки» в «большой хуй». Или, например, следующий пассаж: «ааааххх сначала ты милый давай ляжем да нет тут не так уж много, ложись, встряхни меня скользко милый войди в меня красивый мальчик поработай, ну ты понимаешь» разбухает, точно наливающийся кровью пенис: «ааааххх сначала ты милый возьми меня да нет тут не так уж много дерьма встряхни меня скользко милый войди в меня красивый мальчик пошуруй своим прекрасным хуем».

103

Усиленная сексуальная красочность второго варианта соответствует направленности к повышению сексуального насилия внутри текста – включая сцены сравнительно безобидного, хотя и противозаконного анального секса с несовершеннолетним в лесу или групповое изнасилование девятилетнего мальчика подростками на речном берегу, некрофильские фантазии и убийство в наполовину снесенном городском здании. Однако эта тенденция также обрамляется, контекстуализируется интертекстуальным смещением и рецидивизирующим членовредительством. Выводя гомотекстуальное насилие, промискуитетную и издевательскую текстуальность внутри каждого варианта на экстратекстуальную ступень между двумя вариантами «Рецидива», Дювер вычеркивает сцены, предложения и концы предложений – почти как в жестокой сцене в конце четвертой части романа, когда, стремясь повысить сексуальное напряжение, рассказчик кладет своего идеализированного сексуального партнера на моток ржавой колючей проволоки.

***

104

В одном из предложений, вычеркнутых из более поздней редакции романа («Иллюзорные речи об этой книге и ее авторе») Дювер делает, пожалуй, самые ценные признания как писатель, обладающий «высоким самосознанием». Он отмечает, что читатель, очевидно, выходит из себя, когда автор вмешивается в повествование, вычеркивая, перебивая, переключая внимание, тормозя действие или в лучшем случае позволяя ему еле-еле плестись:

...Я заставляю его плестись, дабы оставаться уверенным, что оно не стоит на месте: поступательное движение напоминает неподвижность, которой я страшусь, неподвижность мертвецов и легенд.

Но, дотошно пытаясь избежать пугающей неподвижности, а также мучительно осознавая свою способность отличить правду от лжи, факт от вымысла, фантазию от реальности (наряду со своим нежеланием выявить это отличие), Дювер в конце концов устает от непрерывной перетасовки и перегруппировки повествовательных возможностей, столь восторженно исповедуемой в конце «Изложения»:

Это плутовство начинает меня раздражать, ведь я точно знаю, что правда, а что ложь, и даже знаю, что ложь в «достоверном»... Горе архитектору, строящему лабиринт вокруг себя. В конце концов, это же не клетка, можно научиться его исследовать, жить в нем. Да и потом, я выйду на свободу, как только допишу книгу, это ведь не пожизненное заключение.

Если, дописывая книгу, автор выходит из лабиринта, из пожизненной тюрьмы, которую строит вокруг себя, то, переписывая «Рецидив», он вновь становится пленником текста. Тем самым он признается в мазохистском удовольствии, которое, наверняка, получает от своего ремесла. Лишь вычеркивая это предложение из текста при одержимом аутоэротическом переписывании, Дювер действительно освобождается от повествовательных уз боли, трансгрессии и разоблачения, аллегории насилия и изнасилования. Однако своим самоосвобождением путем гомотекстуального членовредительства он наводит на мысль, что читатель тоже может перекроить произведение, перечитывая его:

Но я должен положиться на талант читателя, который сожмется вокруг произведения колпаком либо урной, куда можно поместить и закупорить эту головоломку с нестыкующимися элементами.

Являясь взаимно дополняющими, но нестыкующимися частями рецидивистского набора, содержащего элементы, которые по определению могут быть как одинаковыми, так и различными, два варианта дюверовского текста представляют повторные (повторяющиеся) правонарушения и вполне логично продолжают головоломку.

Брайан Гордон КенNELли

**Издательства «Kolonna Publications»
и «Митин Журнал» представляют**

**Пьер Гийота
Кома**

106

В конце 1970-х годов Пьер Гийота начал писать «Истории Самора Машеля» – гигантский роман о судьбе алжирского раба, соблазнителя и пророка, торгующего собой. Писательский труд потребовал непомерной концентрации воли и постепенно стал вытеснять реальность. Пьер Гийота перестал есть и питался только компралгилом – анальгетиком, который в ту пору можно было купить без рецепта. В декабре 1981 года Пьер Гийота впал в кому: он спустился в бездну самоуничтожения и воскрес. «Кома» – книга о том, как дух поедает тело.

**Эркюлин Барбен
Воспоминания гермафродита**

Судьба Эркюлин Барбен (1838–1868), мужчины, которого двадцать лет считали женщиной, – загадочна и драматична. Автобиографические заметки Барбен являются не только уникальным историческим свидетельством, но и в высшей степени захватывающим чтением. Во Франции они были подготовлены к печати знаменитым философом Мишелем Фуко для первой части задуманной им серии «Параллельные жизни».

**Издательства «Kolonna Publications»
и «Митин Журнал» представляют**

**Антонен Арто
Гелиогабал**

Антонен Арто более всего известен как легендарный основатель Театра Жестокости, выдающегося проекта, полностью изменившего природу театра и перформанса, а также как поэт-сюрреалист и кинорежиссер. В 1933-м году издатель Робер Деноэль предложил Арто написать биографию Гелиогабала. Книга Арто отражает его собственные интересы наравне с теми, которые были свойственны Гелиогабалу. «Я написал эту „Жизнь Гелиогабала“ так, как я проговорил бы ее, словно пересказывая».

107

**Александр Ильенен
Бутик Vanity**

Светящееся здание «Бутика Vanity» теперь открыто для посещения. Пустующие этажи романа-ключом и романа-без-вранья, нового романа и петербургской повести Александр Ильенен заполняет прозой высокой концентрации, прекрасной ясности, хирургической точности – и давно забытого образца. Чтобы оценить возможности этой эфирной скорописи, не нужны навыки дешифровщика: так мог бы писать какой-нибудь пушкин 007 – обезьяна, тигр и француз в одном прозрачном флаконе.

Книги издательств «Митин Журнал»

и «Kolonna Publications»
можно приобрести в *Москве*:

«Фаланстер» Малый Гнездниковский переулок, д. 12/27
«Москва» ул. Тверская, д. 8
«Dodo Space» Рождественский бульвар, д. 10/7
«Гилея» Тверской бульвар, д. 9
«Молодая гвардия» ул. Б. Полянка, д. 28
«Московский Дом Книги» ул. Новый Арбат, д. 8
«Библиоглобус» Мясницкая ул., д. 6/3, стр. 5
«Индиго» ул. Петровка, д. 17, стр. 2
«Проект ОГИ» Потаповский пер. д. 8/12, стр. 2
«Клуб 36, 6» Рязанский пер., д. 3

в *Петербурге*:

«Петербургский Дом книги» Невский пр., д. 28
«Индиго» Невский пр., д. 32-34
«Порядок слов» наб. Фонтанки, д. 15
дк им. Крупской, стенд фирмы «Ретро»

через *Интернет*:

«Ozon» ozon.ru
«Esterum» esterum.ru
«Petropol» petropol.com
«Болеро» bolero.ru
«Чакона» chaconne.ru
«Международная книга» mkniga.ru
«Лавка Я + Я» shop.gay.ru/books

на *Украине*:

«Либра» librabook.com.ua

По вопросу оптовых продаж

обращаться в ооо «Берроунз», тел. (495) 971-47-92

Все книги нашего издательства можно заказать
наложенным платежом в редакции на сайте kolonna.org

Тони Дювер

РЕЦИДИВ

Kolonna Publications. Россия, Тверь, улица Л. Базановой, 20
Подписано в печать 25. 01. 2011. Тираж 500 экз. Заказ №
Формат 70 x 100/32. Объем 8 п. л. Гарнитура itc Charter
Подготовлено на оборудовании Apple Macintosh
Отпечатано в ооо «Осташковская Типография»
172750, Россия, Тверская обл., г. Осташков,
ул. Володарского, 33